

ТРАГЕДІЯ О ІУДѢ ПРИНЦѢ ИСКАРІОТСКОМЪ

въ трехъ дѣйствіяхъ.

Въ основу предлагаемой „Трагедіи о Іудѣ Принцѣ Искаріотскомъ“ положенъ апокрифъ: „Сказаніе о Іудѣ Предателѣ“.

Сказаніе это найдено Курской губ., г. Путивля въ Воскресенской церкви, въ Евангеліи. И никто непомнить, кто и когда написалъ, а писано оно старинною рукою.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Іуда — принцѣ Искаріотскій.
Стратимъ — принцѣ Искаріотскій.
Ункрада — племянница царя Искаріотскаго.
Пилатъ — игемонъ Іерусалимскій.
Сиборія — жена хозяина сада, въ которомъ растутъ золотые яблоки.
Кадиджа — служанка Сиборіи.
Зифъ |
Орифъ | приближенные Іуды.
Обезьяній царь.
Вѣстникъ.

Первое дѣйствіе происходитъ на островѣ Искаріотѣ. Второе и третье — въ Іерусалимѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

У потайной двери, выходящей изъ дворцовой ограды къ морю.

СЦЕНА 1-я.

Орифъ и Зифъ.

Орифъ (сидить на камнѣ недалеко отъ потайной двери. На лицѣ полу-маска. Мурлычитъ). «Ни заря зарѣтъ¹⁾, ни солнце всходитъ, ой только приходитъ черный кудлатый въ лаптяхъ. И онъ взялъ ее за бѣлу руку, ой повелъ ее въ зеленый лѣсъ. Тамъ новый дворъ, свѣтлые покои. И посадилъ ее за бѣлымъ столомъ, онъ и насыпалъ ей золота-серебра.

Ой мнѣ не мило золото-серебро, а только мнѣ мило отецъ-мать — братъ-сестра.

Ой молчи, не плачь, красная панна, ой будетъ у тебя десять слугъ, десять слугъ, десять лихъ²⁾...»

(Молчаніе.—Появляется въ дверяхъ Зифъ; на немъ тоже полу-маска.)

Орифъ. (Всполошился.) Кто идетъ?

Зифъ. Ши-ши-га.

Орифъ. А! Это ты. (Съ сердцемъ.) Дергоногій кошатникъ!

Зифъ (оглянувъ его, со смѣхомъ.) Сидишъ подъ кустикомъ и ѿшь листочки!

Орифъ. Не радъ, что взялся.—Тебѣ назначила сюда притти Ункрада?

Зифъ. Ункрада.

Орифъ. Она тебя подговорила убить принца Стратима?

Зифъ. Подговорила.

Орифъ. Стало быть, намъ придется кислеться въ этомъ чортовомъ логѣ, пока не вытечетъ мозгъ изъ костей промежъ мяса и шкуры.

(Зифъ разражается смѣхомъ.)

Орифъ. Ну что тутъ смѣшного?

Зифъ. А у меня есть рыбка такая: кто посмотритъ на нее, того смѣхъ возьметъ.

Орифъ. Убирайся ты со своей рыбкой! Вытянуть бы тебя по боку палкой,—ишь вылѣзъ, какъ чуръ изъ печуры.

Зифъ. За то почетъ: убийца принца Стратима! Небось, Iуда такъ не оставитъ. За такую услугу по-царски наградить: отвалить намъ такую мѣру,—затрещатъ карманы. Да и отъ Ункрады перепадеть: ея затѣя.

Орифъ. Не ори! наорешься изъ петли. Гогона!³⁾ За нами тоже глазъ.

Зифъ. Знатный пиръ устроили Іерусалимскіе купцы: одной арапской водки сорокъ бочекъ!

Шитыми вышивными коврами устланъ весь берегъ, поверхъ ковровъ горяты самоцвѣты. Дудошники, балалаешники, гульба-музыка. За-

1) Зарѣтъ — горитъ, зажигается.

2) Лихо, горе, печаль. См. А. А. Потебня: Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень. 1883—87.

3) Гогона — крикунъ, чучело, болванъ. Гогонить — гоготать.

палили дровъ костеръ,— разсыпался дробный жемчугъ краснымъ хороводомъ: Эй, растопчите!

Гм, умѣютъ люди жить: раздолье — живи, ни о чѣмъ не печалься. Разсказывалъ мнѣ одинъ бывалый человѣкъ, что за чудеса творятся въ этомъ Іерусалимѣ: колось на поляхъ начинается съ самой земли, пчелы съ кулачъ, люди рослые, звѣри говорятъ человѣчимъ языкамъ, житницы набиты пшеницей до верху съ остаткомъ, а рѣка Іорданъ разливается съ тихими и глубокими заводями, съ крутыми красными берегами; дворъ игемона Пилата почище будетъ самаго Обезьянскаго, дворцы крыты зеленою казарскою мѣдью, которая дороже краснаго золота, денегъ — куры не клюютъ, а пьютъ черезъ край до дна, и такъ всего вволю,— хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся.

Орифъ. Долго здѣсь пробудутъ?

Зифъ. Сегодня въ ночь.

Орифъ. Въ Іерусалимъ?

Зифъ. Прямой дорогой.

Орифъ. Намъ будеть по пути. Пилатъ наасъ приметъ. Ты сговорился? Мы не попадемся?

Зифъ. Трусь!

Орифъ. Ярыга!⁴⁾ Гагара безногая! Лѣзть живьемъ въ пасть, чтобы тебя тѣ'то⁵⁾..! Нѣть, такъ не рука. Такъ на махъ невозможно: всякую минуту наасъ схватятъ, закуютъ въ желѣза, спустятъ три кожи, тогда ужъ поздно думать. А сдѣлать бы намъ дѣло, да шито-крыто преспокойно на корабль.

Зифъ. Хе-хе,— разлакомился! Что жъ, по-твоему, я — дуракъ?

Орифъ. Принцъ Стратимъ на сторожѣ. Одинъ ни шагу. Когда я сюда пробирался къ этой западнѣ, мнѣ попалась цѣлая ватага его оружносцевъ. Узналъ по перьямъ.

Зифъ. Да, Стратимъ на кораблѣ. Я съ нимъ разговаривалъ... такъ слова два. Онъ все жаловался, что у него въ сапогъ песокъ забрался. Онъ кое-что ужъ знаетъ. Онъ держится особо. Онъ гордъ,— не даромъ носитъ имя первой птицы!— силенъ, славенъ, громокъ и пьянъ, какъ земля... ха, ха..!

Я быль во дворцѣ.

Орифъ. Ты шутишь?— Говори толкомъ.

Зифъ. У царя.

Орифъ. Тебя позвали?

Зифъ. Со всѣмъ почетомъ: тридцать три карлика, семьдесятъ и два шута,— шумъ, трескъ, звонъ.— Мы съ царемъ остались наединѣ. Царь объявилъ, что съ поединка братьевъ изъ-за Ункрады его немилость пала и на наасъ, какъ на первыхъ приближенныхъ принца Іуды, но что теперь онъ съ нами заключаетъ миръ. Потомъ припомнилъ нашъ походъ въ Біармію⁶⁾. Языкъ развязался. Царь любить вспоминать хо-

4) Ярыга — шатунъ, кабацкій пьяница.

5) Чтобъ тебя тѣ'то... чтобъ тебя тѣ'то взяли, будешь на томъ свѣтѣ сковородку горячую лизать!— Тотъ, тотъ-то — черть.

6) Біармія — Біармландія (Beormas) — Пермь Великая, простиравшаяся отъ береговъ С. Двины до Уральскаго хребта. Главнымъ источникомъ обѣ этой сказочной странѣ являются скандинавскія саги.

лодную богатую страну: тамъ у бѣлыхъ береговъ свирѣпыхъ рѣкъ мы прожили не мало веселыхъ дней, тамъ — наши битвы и побѣда.

Эй! — стрѣлы натягивали тетиву тугого лука, летали, какъ снѣгъ, гремѣли, какъ громъ; яровая пашня распахана была не плугомъ, а во-стрыми копьями, взборонена не бороной, а коневыми рѣзными ногами, посѣяна не рожью, — однѣ буйныхъ головы, всполивана не осеннимъ сильнымъ дождемъ, а слезами.

Царь спросилъ: остался ли я ему вѣренъ? Я клялся. Годъ похода — годъ рожденія Іуды. Слова за слово, онъ рѣчъ повелъ о нашемъ принцѣ: гдѣ принцъ бываетъ, какъ себя чувствуетъ, видается ли съ братомъ, какъ относится къ Ункрадѣ. Я отвѣчалъ по правдѣ, что Іуда попрежнему не пропускаетъ ни одного Совѣта, часть времени проводитъ за книгами, по вечерамъ — на морѣ, трезвъ, уединенъ, а что касается Ункрады, то отъ счастья онъ бѣсится не хуже заправскаго жеребца. На это царь сказалъ, что пока цѣла на его головѣ корона и ея зубцы не обломаны, пока стоитъ небо и земля, этого не будетъ, какъ еще многаго не будетъ, что могло бы случиться очень просто. Назначилъ мнѣ на завтра часъ и намекнулъ, что жребій падаетъ на насть съ тобой — намъ двоимъ предстоитъ отвѣтственное дѣло. Я, конечно, согласился. Смѣкаешь?..

Орифъ. Неужто царь рѣшился извести Іуду? — Не могу взять умъ въ голову. — Помню, какъ я къ вамъ явился вѣстникомъ въ Біармію. Царь, услышавъ отъ меня, что у него сынъ родился, отъ радости заплакалъ, а ихній истуканъ Юмалы⁷⁾ съ тѣхъ поръ не пожиралъ такихъ богатыхъ жертвъ, какъ въ ту ночь, и краше царскаго ожерелья на него никто не вѣшалъ.

Зифъ. Ункрада не солжетъ. Она первая намъ открыла обѣ опасности. Ея слова крѣпче сѣраго камня⁸⁾, ей нельзя не повѣрить, при томъ царя я хорошо знаю: всякое бывало. Здѣсь вотъ чрезъ эту дверь никто еще не уходилъ живымъ, многое насыщено кручиной, многое наропено слезъ, однѣхъ костей — цѣлая могила, не садится тутъ ни роса, ни иней, въ каждомъ камнѣ кровь и лишь вѣютъ вѣтры — сколько вѣтровъ! Спуста не молвится слово. Намеки ясны.

Орифъ. Не можетъ быть, чтобы ссора братьевъ изъ-за Ункрады была причиной такого гибѣя! — ужъ не влюбился ли старикъ на старости въ племянницу?

Зифъ. Глупости! Этимъ онъ давно не занимается.

Орифъ. (Мечтательно.) Она чрезъ поле идеть ровно темная туча, въ сѣни войдетъ — ясной зарей, въ домъ ступить — солнцемъ, а сядеть за столъ — красной панной. Она принесла съ собой весну, разсвѣтъ, радость, веселье... Тутъ можно и съ ума спятиТЬ.

Зифъ. Толкай о старыхъ пчелахъ⁹⁾! — ссора братьевъ только по-водѣ. Въ головѣ царя засѣла та басня, которую распустилъ самъ про себя принцъ Іуда: ему будто бы рассказали какія-то странницы, что онъ убьетъ отца, женится на матери и будетъ царемъ. Эта басня не даетъ царю покоя.

7) Истуканъ Юмалы — стояль у Бѣлаго моря на С. Двинѣ, гдѣ г. Холмогоры.

8) Крѣпче сѣраго камня — сѣрый камень — миѳический камень заговоровъ.

9) Толкай о старыхъ пчелахъ — мели Емеля... болтай зря.

Орифъ. Царь могъ повѣрить наговору какихъ-то безумныхъ по-прошаекъ?! И кто поручится, что все это не болѣе, какъ бредъ самого принца?

Зифъ. Море подтвердило.

Орифъ. Кто спрашивалъ?

Зифъ. Царь.

Орифъ. Царь. Вотъ какъ! Да, но если предсказанье вѣрно, оно должно исполниться, но если есть сомнѣніе, хотя бы въ самой пустяшной его мелочи, оно уже бредни. Самъ посуди, мыслимо ли дѣло: царица такъ стара, мышей не топчетъ. Ты съ принцемъ говори!?

Зифъ. Гдѣ его искать! Я передалъ Ункрадѣ о всѣхъ моихъ догадкахъ.

Орифъ (заволновавшись). Смотри, тамъ чья-то тѣнь.

Зифъ. Гдѣ?

Орифъ. Вонъ, у старого колодца, видишь?

Зифъ. Не нашъ ли принцъ! Постой я посмотрю. (Идетъ къ колодцу.)

Орифъ (безпокойно). Поди сходи.

Зифъ (за сценой). Стой, ни шагу дальше! Не уйдешь.

Орифъ. Фу, духъ отшибло!

Зифъ (возвращаясь). Никого нѣтъ. А мнѣ показалось, кто-то ударили меня по плечу—рука такая теплая.

(Зифъ прохаживается. Орифъ присѣлъ. Нѣкоторое время молчаніе.)

Орифъ (самъ съ собой). Судьбы не обойдешь. И впрямь выходитъ такъ. Пожалуй, и повѣришь... Все не къ добру, какъ передъ крупною бѣдой: на морѣ появились невиданныя птицы, указать по-звѣриному, на могилахъ видится огонь, покажется, мигнетъ, исчезнетъ, въ лѣсу горить свѣча, столы трещать, на маковкѣ дворца садится филинъ, ласточки влетаютъ въ домъ, поетъ пѣтухъ съ поникшей головой, собаки воютъ, свиньи выносятъ солому со двора...

Зифъ. Пустое! Дѣло не въ собакахъ и свиньѣ, была бы рука крѣпка—мѣтокъ ударъ.

СЦЕНА II-я.

Орифъ, Зифъ, Ункрада.

Ункрада (появляясь со стороны дворца). Готовы?

Зифъ (обнажаетъ мечъ). Всегда и безъ ошибки—въ сердце.

Орифъ (сверкнувъ ножомъ). Не задрожитъ.

Ункрада. А я—(Словно распустилась вся)—моей душой. На кораблѣ погасли огни. Западаетъ мѣсяцъ. Меркнетъ ночь. Паруса подняты. Стратимъ съ своей ватагой во дворцѣ. Допьяна пьяны. Буянили. Теперь храпятъ. Сюда Стратимъ придетъ одинъ. Вы догадаетесь, когда начать. Потомъ трупъ въ море. Забьетъ волна. И не останется ни пѣны, ни пузьрей.

Орифъ. Вода глубока.

Зифъ. Семь лѣтъ, какъ опустили топоръ, а онъ все еще до дна не дошелъ.

Ункрада. Стратимъ не ожидаетъ. Съ нимъ справитесь легко. Не подымайте шума. Какъ трава не можетъ стоять противъ косы, такъ

и онъ не могъ бы стоять противъ васъ. Живымъ онъ отсюда не долженъ уйти.

Орифъ. Принцъ Іуда знаетъ?

Ункрада. Нѣтъ. Я одна отвѣчаю. (Подаетъ кошелекъ.) Пока берите это, тутъ аравитское золото ¹⁰).

Орифъ. Благодаримъ. Исполнимъ все.

Зифъ. Пѣтухъ не пропоетъ, какъ вылетитъ душа изъ Стратима. А гдѣ намъ ждать?

Ункрада. Станьте сюда. Такъ. Тутъ незамѣтно.

(Зифъ и Орифъ прячутся.)

Н. Рѣрихъ. Декорація трагедіи „Іуда Іскаріотскій“.
M. Rörich. Décor pour la tragédie „Judas Iscariote“.

¹⁰) Аравитское золото—самое чистое золото.

С Ц Е Н А III-я.

Ункрада и Іуда.

Ункрада (задумалась). Береза, родимая береза! ¹¹⁾ Кто тебя такъ опечалилъ? Холодный ли съверный вѣтеръ? Или жестокій морозъ оѣпенилъ твои листья? Или гнѣвный потокъ отбилъ отъ корней твою опору—землю? Не отъ мороза ты застыла, и не вода тебя одолѣла. Нѣть, пришли, одолѣли... (Вдругъ развернулась.) Если это такъ, если это совершился, ну, посмотримъ—я разрушу небо—кто сильнѣй, и увидимъ, кто крѣпче? (Задумалась.) Погнули, поломали твои вѣтви, притоптали, поворвали зеленую траву. Печалью, восходить красное солнце... А ты вѣй, вѣтеръ, вѣй, душу и сердце понеси моей родинѣ, обойми ее ласково легкими крыльями, согрѣй ея бѣлую грудь. Помоги, пособи мнѣ. Я вернусь. Я приведу царя—моего и твоего царя—Іуду.

Іуда (появляется съ моря). Зачѣмъ ты мнѣ назначила эту западню? Здѣсь едва слышенъ голосъ: морской вѣтеръ уносить половину словъ. (Осмотриваясь вокругъ.) Память мнѣ не измѣняется: здѣсь на этой змѣиной дорогѣ я встрѣтилъ тѣхъ вѣнчихъ страшныхъ странницъ, онѣ облюбовали эту проклятую башню. Что ты такая?

Ункрада. Принцъ.

Іуда. Дурная вѣсти? Я иривыкъ. Тебя обидѣли?

Ункрада. Сядь тутъ. Видишъ, я спокойна.

Іуда (грустно). Сегодня меня не приняла мать. Давно я не вижу отца...

Ункрада. Знаю. Злое небо! Межъ нами роютъ ровъ. Слушай меня. Твоя судьба рѣшается.

Іуда (рѣзко). Кто рѣшаетъ?

Ункрада. Сегодня послѣ пріема іерусалимскихъ купцовъ, когда царь вошелъ къ царицѣ, я находилась въ сосѣднемъ покоѣ. Сперва я думала уйти, но меня что-то остановило. Я осталась. И до меня донесся ихъ разговоръ. Дѣло шло сначала объ игемонѣ Пилатѣ, потомъ упомянулось твое имя. Я насторожилась. Царь сказалъ, что его терпѣнью прішелъ конецъ, и стала описывать тебя такимъ злодѣемъ, отъ котораго возможно всего ждать: ты будто бы покушался на его жизнь, ты погубишь мать, брата. А чтобы отъ тебя оградиться, царь рѣшилъ: обѣявить наслѣдникомъ Стратима, тебя же присудилъ къ изгнанію. Потомъ Зифъ сообщилъ мнѣ, что былъ онъ у царя и изъ его намековъ ясно понялъ: тебѣ угрожаетъ смерть.

Іуда (вспыхнувъ). Меня лишить престола? Я—на отца? Мнѣ—смерть?

Ункрада. На, читай письмо Стратима. Я его получила сегодня послѣ обѣда.

Іуда (быстро пробѣгаешь глазами письмо). Ему извѣстно рѣшеніе царя! Онъ просить у тебя свиданія? Какая наглость! Ты ему отвѣтила?

Ункрада. Я согласилась.

Іуда. Ункрада, развѣ такъ можно?.. Онъ сюда придетъ?! Ты этого не должна дѣлать. Онъ вобразитъ, что ты съ нимъ заодно, что ты его любишь...

¹¹⁾ Мотивъ колядки. См. А. А. Потебня: Объясненія.

Ункрада. Да, онъ сюда придетъ—къ старому колодцу. Ты пойми: такъ надо. Твоя судьба рѣшается. Буду съ нимъ ласкова и нѣжна. Онъ мнѣ повѣрить. Онъ пойдетъ за мной всюду, куда я захочу. Я заманю его сюда, къ этой двери. Ты встрѣтишься съ Стратимомъ. Вы будете лицомъ къ лицу. Ты можешь не подымать руки, не проливать крови. Это сдѣлаютъ другіе: мечъ у нихъ остръ, стрѣлы часты. Такіе найдутся. Трупъ—въ море. Море костливо. Завтра скажутъ: іерусалимскіе купцы... убили.

Иуда. Іерусалимскіе купцы... а! вотъ что. Хорошо.

Ункрада. Твой отецъ старъ. Ему не долго носить корону. Она перейдетъ къ тебѣ. Она—твоя. Твой будетъ островъ и море. Мы покоримъ западъ до Океана, востокъ до Кавказа. Переплыvемъ море вдоль и поперекъ. Пойдемъ на сѣверъ—на мою бѣлую родину. Я поведу тебя черезъ дикую степь, черезъ поемные луга, черезъ прилуги по зарѣ, по мѣсяцу, по звѣздамъ къ широкимъ омутистымъ рѣкамъ, къ вѣтвистой вербѣ. Тебя тамъ встрѣтить, какъ своего царя. (Словно колдуя.) Зимы тамъ долги и темны. Бѣлый снѣгъ. Какъ завѣются сильные свирѣпые сиверы¹²⁾, наложитъ Зима желѣзныя оковы на облаки и пойдетъ съ гвоздемъ, оковываетъ воды и землю, накладываетъ на рѣки и озера ледяные мосты, скрѣпляетъ гвоздемъ. Зацѣвутъ тогда окна морозными цвѣтами, заметтъ путь перистымъ снѣгомъ, а по воздуху лютъ¹³⁾ летить, низжетъ на вѣтви скатный перебранный жемчугъ. А придетъ Весна, уснетъ черный сѣверный вѣтеръ, приплыветъ съ юга бѣлый, потихоньку повѣтъ. Встанутъ звѣри изъ спячки. Солнце опустить къ намъ на дворъ золотыя качели, день и ночь стоитъ, стелетъ по лугамъ красныя ткани, сѣть золотомъ. А вдоль берега бѣлыми цвѣтами калина свѣтить темную поросль. Не замѣтишь—Лѣто приспѣло. Ночи—въ терновомъ огнѣ. Звонкія пѣсни. И вются хороводы, какъ хмель. Такъ ночь до зари. Вотъ соберется гроза, разломить все небо и ударить проливнымъ дождемъ, а за пролоемъ¹⁴⁾—радуга. И поютъ, шумятъ луга. Ходить медвѣдь. Колесомъ пошло солнце подъ гору, появилась паутина, летитъ надъ полями. Въ красномъ гарусѣ кудрявая рябина. Ледовая роса на зарѣ. Это—Осень. Унывно, тихо, прозрачно. По небу плывутъ облаки-лебеди. А лѣсь у насъ какъ расшумится, то въ бую и въ шуму его ничего ужъ не слышно, только слышенъ человѣчій голосъ, это я тебѣ запою пѣсню. Уласкаю тебя. Поведу тебя дальше въ непроходимыя страны, обволоченные лѣсами и туманами, бурей пройдемъ всѣ лѣса, и дальше за равнины, за дыбучія болота—мышиными норами, змѣиными тропами—за лукоморье, за желѣзныя горы...

Иуда. А предсказанье?

Ункрада. Выбора быть не можетъ.

Иуда. Отецъ и мать и братъ—теперь всѣ противъ меня.

Ункрада. Я съ тобой.—Любишь ли меня?

Иуда. Отрекаюсь отъ отца, который далъ мнѣ жизнь.—Цѣлую твой пракъ.

Ункрада. Царство даю тебѣ.—Любишь ли меня?

¹²⁾ Сиверы—сѣверные вѣтры.

¹³⁾ Лютъ—блестка, искра инея, летающая по воздуху въ солнечный морозъ.

¹⁴⁾ Пролой—проливной дождь.

Іуда. Отрекаюсь отъ матери, которая въ мукахъ родила меня.—
Касаюсь твоего сердца.

Ункрада. Въ рай ввожу.—Любишь ли меня?

Іуда. Отрекаюсь отъ брата, съ которымъ выросъ и полюбилъ
солнце, море и землю.—Обнимаю твою душу.

(Съ башни дворца—часы.)

Ункрада (встрепенувшись). Пора. Жди меня. Здѣсь найдешь друзей.
Они тебѣ помогутъ. (Уходитъ въ сторону дворца.)

СЦЕНА IV-ая.

Іуда, Зифъ и Орифъ.

Зифъ (выступаетъ). Принцъ Іуда.

Орифъ (выступаетъ). Принцъ Іуда.

Іуда. Вы были тутъ? Вы слышали? Вы знаете? Вы—за меня?

Зифъ. Принцъ, я научилъ васъ владѣть конемъ, я сковалъ вамъ
боевой мечъ.

Орифъ. Я пѣлъ надъ вашей колыбелью пѣсни,—такія поются на
родинѣ Ункрады; вамъ снился подъ нихъ первый сонъ.

Іуда. Спасибо. Я вамъ вѣрю.—Только зачѣмъ у васъ такой на-
рядъ? Снимите эти маски. Къ чему скрывасться? Вы за меня—вы правы.

Зифъ. Да, но... маска не мѣшаетъ: въ нашемъ быту нось—все.

Орифъ. Намъ такъ виднѣе.

Іуда. Я одинъ самъ сумѣю защититься. Мнѣ важно: вы готовы
за меня умереть. Въ волчій вѣкъ такъ рѣдко. Невѣрность и измѣну
стоило бы вписать въ законы. Духъ меркнетъ. Нѣтъ цѣннаго, есть только
цѣны. Слова захватавы. Страшно стало говорить. Всюду кровь. Такъ
отъ крови земля загорится, не останется на свѣтѣ дерева, камня на
своемъ мѣстѣ, вѣтеръ развѣтѣетъ прахъ—вы знаете, скажите мнѣ: чѣмъ
я виновенъ?

Зифъ. Принцъ, шаги.

Орифъ. Это онъ—вашъ братъ Стратимъ.

Іуда. Ну что жъ—ну что жъ... (Ходить взадъ и впередъ. Задумался,
про себя.)

Пойдетъ Бука на сарай—

Конямъ сѣна надавай.

Баю, люлю зыбаю ¹⁵⁾—

Идетъ батя съ рыбою.

(Протворяетъ дверь.) Звѣзда, спустись ко мнѣ! (Какъ бы гадая.) Берегъ въ
пѣнѣ. Быть валы. Море темно. Сѣдая даль.—Звѣзда упала.—Если бы
ничего этого не надо было дѣлать!—(Вдругъ отступаетъ, потомъ берется за-
творить дверь, не можетъ. Шопотомъ къ кому-то, кто находится за дверью и
только ему одному виденъ.) Слышу, слышу. Опять вы пришли. Вы мнѣ
говорили разъ, зачѣмъ повторять? — память у меня хорошая, я не забылъ.
(Дверь сама собой затворяется. Раздѣльно и ясно.) „Убьешь отца, же-
нишься на матери, будешь царемъ“. (Минуту стоитъ молча, что-то внутренне
рѣшая.) Нѣтъ, этого не будетъ. Никогда. Не хочу. (Обернувшись къ Зифу

¹⁵⁾ Зыбаю—колыхаю, качаю; зыбка—люлька, колыбель. Народная колыбельная пѣсня.

и Орифу, успѣвшимъ занять безопасное положеніе, говоритъ твердо.) Идите на корабль. Корабль не отошелъ. Я буду слѣдомъ.

Зифъ. Принцъ, вѣсъ одного оставить здѣсь... Тогда не надо медлить.

Иуда (настойчиво). Я буду слѣдомъ.

Орифъ. Намъ не вѣдно. Нашъ долгъ. Мы взялись исполнить.

Иуда (нетерпѣливо). Идите! Корабль не отошелъ. Я буду слѣдомъ.

(Зифъ и Орифъ уходятъ къ морю.)

СЦЕНА V-ая.

Иуда и Ункрада.

Ункрада (внезапно появляясь изъ-за развалинъ). Принцъ, это я. Не тревожься. Я одна. Я завела Стратима къ бѣгучему ключу. Онъ плутаетъ тамъ одинъ въ потемкахъ. Мне хотѣлось еще разъ взглянуть... Что ты такъ смотришь на меня? Какіе измученные глаза!

Иуда (показывая на дверь; шепотомъ). Онъ опять приходили.

Ункрада. Что ты говоришь? Кто приходилъ?

Иуда. Тѣ три вѣщихъ странницы.

Ункрада. Успокойся, все живое давно покинуло эту мертвую башню.

Иуда. Нѣтъ, я ихъ узналъ. Онъ мнѣ опять повторили то предсказаніе.

Ункрада. Это вѣдь кровь заговорила. Ты не думай. Оставь эти мысли. Я буду съ тобой неразлучна.

Иуда. Я отпустилъ и Зифа, и Орифа. Они на кораблѣ.

Ункрада. Зачѣмъ?—Ты все погубишь.

Иуда. Я не могу.

Ункрада. Не можешь?..

Иуда. Я уйду. Мне страшно.

Ункрада. Предсказанья? Да? Да завтра же тебя убьютъ, какъ самаго послѣдняго злодѣя.

Стратимъ (за сценой). Ункрада! Ункрада!—Гдѣ ты?

Ункрада. Тебя привяжутъ къ лошадиному хвосту, размыкаютъ по полю. Птицы налетятъ и поклюютъ твое тѣло; вѣтры подымутся—размечутъ твои кости, и не останется отъ тебя ни слѣда, ни памяти. Что тогда твое предсказанье?

Стратимъ (за сценой). Ункрада!—Гдѣ же ты?

Ункрада. Слышишь, сейчасъ я приведу его. Укрѣпи свое сердце. Ради меня. Ради нашей любви. Ради нашего царства. Ты даль мнѣ клятву. (Уходитъ.)

СЦЕНА VI-ая.

Иуда, Ункрада и Стратимъ.

Иуда (оставшись одинъ, въ задумчивости).

Пойдетъ Бука на сарай,—
Конямъ сѣна надавай.
Баю, люлю зыбаю—
Идетъ батя съ рыбою.

Стратимъ (появляясь съ Ункрадой со стороны дворца, къ Ункрадѣ).
Какая глупь! Я въ первый разъ. Здѣсь выколешь себѣ глаза. Сырость,
холодъ. Что это, маякъ?

Ункрада. Выступай смѣлѣй! Здѣсь выходь къ морю.

Стратимъ. Черезъ ту щель?—Я прикажу разрушить эту стѣну.
Ункрада. Мы ее разрушимъ вмѣстѣ.

Иуда (прямо съ мѣста). А! братъ. Какъ хорошо, что ты сюда при-
шелъ.—Смотри, я еще живъ.

Стратимъ (смѣривъ Иуду съ головы до ногъ). Носишь имя принца,
а прячешься, какъ воръ.

Ункрада. Такъ цари не поступаютъ.—Не правда ли?

Иуда (холодно). Онъ меня этимъ оскорбить не можетъ.

Стратимъ. Хотѣлъ изъ-за угла! Ты, конечно, спряталъ въ этой
западнѣ своихъ наушниковъ? Намъ они извѣстны.—Ункрада, этотъ не-
годяй, какъ жаба, прѣль въ норѣ, выслѣживалъ насть... И готова для
меня могила... Поторопился.

Ункрада (играя, ластится къ Стратиму). Принцъ, оставь, не надо.

Стратимъ (двусмысленно). Я увѣренъ.

Иуда (вспыхивая). Принцъ Стратимъ... будущій властитель, царь,
ха!.. дни и ночи по кабакамъ—разгуль и пьянство. Ты горячей го-
ловней покатишь островъ, ты внесешь раздоръ, ненависть, злобу, опу-
стошеніе, кровь, пепель... звѣри наѣдятся человѣческаго мяса, птицы—
сестры войны—напьются человѣческой крови, ты выроешь могилу цѣ-
лому народу.

Стратимъ. А что тебѣ народъ? Ты покушался на жизнь отца.

Иуда. Лжешь! Клевета. Неправда.—Кто видѣлъ?

Стратимъ. Да если бы не я, царь погибъ бы.—Цареубійца!

Ункрада (торжествуя). Кто жъ правъ?—Рѣшайтѣ!

Стратимъ (къ Ункрадѣ). Смотри, бѣшеная пѣна! Онъ и на тебя
бы поднялъ руку... отъ него все станетъ. (Дразня Иуду.) Крылья подрѣ-
заны, хвостъ выщипанъ.

Ункрада. Иуда, слышишь?

Иуда (въ ярости). Замолчи!—самъ идешь на смерть.

Стратимъ. Что тебѣ тутъ надо? Оставь насть. Силой хочешь?—
Какой-то проходимецъ, придорожный бродяга...

Ункрада (къ Стратиму). Пойдемте, онъ убьетъ насть...

Иуда (берется за мечъ). Я готовъ.

Стратимъ. Кто ты?—Мое достоинство не позволяетъ мнѣ...

Иуда (обнажая мечъ). Такъ.

Стратимъ (отступаетъ). Я буду защищаться, какъ на большой до-
рогѣ отъ разбойниковъ.

Иуда. Что?.. дрожишь?.. Одинъ ударъ—и тебя не станетъ. Теперь
ты въ моей власти. (Минута молчанія. Подавая Стратиму свой мечъ, цар-
ственno.) Какъ царь, я отдаю тебѣ оружіе, первенство и островъ. Про-
щай. (Идетъ къ морю. Въ дверяхъ.) Море до облакъ. Я свободенъ: отца
никогда не увижу, мать никогда не увижу, а царство я самъ отдалъ.
(Къ Ункрадѣ.) Теперь ужъ судьбѣ не найти меня,—съ вѣтра пришла и
на вѣтеръ уйдетъ.

Стратимъ (отбрасывая оружіе). Несчастный! Для тебя нѣтъ спасе-
нія. Съ ума сошелъ.

Ункрада (вслѣдъ, какъ во снѣ). Часъ часу минуется. Иди. Ищи, кого надо. Люби, кого любо. А я ужъ знаю, какъ мнѣ быть. Оболокусь облакомъ, подпояшусь зарей, огорожусь мѣсяцемъ, обтычусь звѣздами, освѣчусь краснымъ солнцемъ. Я пойду ни дверью, ни воротами, ни путемъ, ни дорогой, я отыщу на морѣ ключъ, я отомкну замокъ, я подыму неподъемную желѣзную доску, возьму изъ-подъ нея все горе и всю тоску и понесу въ моихъ рукахъ, не уроню, а уроню на землю — земля загорится, а уроню на воду — вода загорится. Я вложу всю тоску и все горе тебѣ въ ноги, въ руки, въ сердце, въ брови, въ глаза — еѣ въ пляскѣ не запляшешь, въ гульбѣ не загуляешь. А ты, мѣсяцъ, — обманулъ меня! А вы, звѣзды, — обманули меня! А ты, моя вѣрная темная ночь, ты меня не обманешь, ты покроешь его темнотой — будетъ рвать на себѣ одежду, будетъ кровь изъ себя сосать. — Я возьму мой часъ, — я иайду тебя.

Занавѣсъ.

Н. Рѣрихъ. Ункрада.
N. Rhörich. Ounkrada.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

У дворца Пилата. Виденъ садъ, огороженный заборомъ. Въ саду яблоня съ золотыми яблоками.

СЦЕНА 1-я.

Кадиджа, Сиборія и Орифъ.

Кадиджа (У забора изъ сада, къ Орифу). Скажите, господинъ, какія новости во дворцѣ. Какъ здоровье игемона Пилата?

Орифъ (прюсанившись). Спасибо, по прежнему: ни хуже, ни лучше, одинаково.—Ось тутъ такая пропасть, всю шею обкусали.

Кадиджа. Вы придворный?

Орифъ. При управителѣ—лицо неприкосновенное.

Кадиджа (кланяясь). Госпожу мою зовутъ Сиборія, а я—Кадиджа. Вотъ сколько дѣлъ я тутъ видѣла совсѣмъ другія лица. — Что старичокъ-управитель Карпій?

Орифъ. Э! да вы порядочно отстали.

Кадиджа. Мы только что вернулись въ Іерусалимъ. Мы гостили у бабушки на Соколиной горѣ, что у Сорочинского поля¹⁶⁾, мы съ бабушкой варили варенье и дѣлали пастилу. Домой мы пріѣхали ночью. Нашъ господинъ Симонъ кауаулилъ садъ и только успѣлъ мнѣ сообщить, что во дворцѣ произошли большія перемѣны и что, когда я сама все увижу, то просто ахну.

Орифъ. Вамъ, стало быть, неизвѣстно, что управителемъ дворца назначень принцъ Искаріотскій, бѣжавшій съ вашими купцами съ острова Искаріота.

Кадиджа. Принцъ!—скажите! въ первый разъ слышу. И настоящій?

Орифъ (съ удовольствіемъ разсматриваетъ Сиборію). Самый настоящій. Только безъ принцессы.

Кадиджа. Знаете, за день нашего отѣзда съ Соколиной горы мнѣ приснилось, будто сижу я одна въ темной комнатѣ и вдругъ вижу: входить мужикъ съ фонаремъ, приподнялъ мужикъ фонарь и сталъ меня ловить, а самъ такой черный, косматый. Я—отъ него, онъ—за мной. Кружились-кружились: съ окна на лавку, съ лавки на полъ, по полу да къ дверямъ, перепрыгнули черезъ порогъ въ сѣни, изъ сѣней на крыльцо, съ крыльца на дворъ, со двора за ворота—далъше и далъше—онъ меня какъ хапъ за руку и схватилъ.

Бабушка говорить: пятничный сонъ сбудется въ воскресенье...

Орифъ (недовольно). Я въ сны не вѣрю. Это только старые люди: старики да старухи отъ нечего дѣлать ворчатъ и въ сны вѣрнуютъ.

Кадиджа (смѣясь). А зачѣмъ же принцъ бѣжалъ?

Орифъ. Да если бы принцъ не убѣжалъ, его бы прикокошили.

Кадиджа. Бѣдняжка.—За что же это такое?

Орифъ. Темная исторія. Царь—его отецъ очень испугался одного предсказанія. У насъ на островѣ таскаются такія странницы, зовутъ

¹⁶⁾ Сорочинское поле—не то поле, около которого происходила гоголевская Сорочинская ярмарка, а то поле посторонъ Іерусалима, на которое выпадала изъ тучи Голубина книга.

ихъ Судицы или Рожаницы ¹⁷⁾). Народъ мелеть про нихъ, будто онѣ и то и сѣ и читають въ звѣздахъ и знаютъ, что должно случиться въ мірѣ на тысячу лѣтъ впередъ; окружены онѣ змѣями и змѣятами, лисицами и совами, а ноги у нихъ гусиные,—самъ видѣль. Эти-то странницы, встрѣтивъ какъ-то принца, отмѣрили ему таланъ, — нагородили такую чепуху: уши вянуть; а онъ возьми да и разскажи все царю. Царь на усы и намоталь, а тутъ подвернулись разныя другія исторіи: ихъ двое братьевъ—два принца, оба они влюбились въ одну,—она ихъ, какъ мертввой рукой обвела, околдовала,—нравъ и сталъ показываться. Разъ они другъ друга чутъ на тотъ свѣтъ не отправили.

Кадиджа. Долго ли до грѣха!—Кто жъ она такая?

Орифъ. Ункрада по имени — племянница царю. Отецъ ея былъ настоящій царь — братъ нашему, а мать, хоть и царскаго рода, да плѣнная: съ сѣвера изъ дремучихъ лѣсовъ тамъ, гдѣ Бѣлое море. Когда они померли, Ункрада пришла къ намъ на островъ. Тутъ и началось.

Глупая баба все на скучу наводить, а эта—самъ свѣтъ, огонь и краса. Брови густыя, длинныя и такія черныя, словно два ворона сидѣть на ея глазахъ. Разгорится лицо — не уймется. А голосъ такой вольный—говорь ¹⁸⁾ лебединая; какъ запоетъ—старики запляшутъ, каменный заплачетъ, горитъ гора-горъ ¹⁹⁾.

Кадиджа. Что жъ, новый управитель—припѣть очень страшный?

Орифъ. А вотъ увидите: послѣ обѣда онъ выйдетъ сюда съ игемономъ на крылечкѣ посидѣть. — Какъ сказать? Задачливъ ²⁰⁾, разгораздѣ ²¹⁾, только болно базыковать ²²⁾; тутъ во дворцѣ все вверхъ дномъ перевернуль—здороно подчистиль, да и намъ нагорѣло. Ну въ двадцать лѣтъ это понятно—въ горячей водѣ купанъ ²³⁾.

Да со временемъ человѣкъ переработается.

Кадиджа. Какъ его зовутъ?

Орифъ. Принцъ Іуда.

Сиборія (остававшаяся все время какъ бы безучастной, съ большимъ удивленіемъ, почти пораженная). Іуда?

Орифъ. Что вѣсъ такъ удивляетъ? Развѣ такое уже чудное имя? У насть на островѣ, положимъ, оно только царямъ дается, но тутъ у вѣсъ въ Іерусалимѣ сплошь да рядомъ.

Сиборія. Кто его такъ назвалъ—Іудой?

Орифъ. Кто назвалъ?—мать и море. Онъ первенецъ. Царица была уже въ годахъ, а дѣтей все не было. И она очень горевала. Вотъ, бывало, дни и ночи все у моря, все молиласъ. Знать и намолила,—и бузины ёсть не надо ²⁴⁾). Царь въ тѣ времена былъ въ походѣ, когда сынъ родился.

¹⁷⁾ Судицы, Рожаницы—урженицы, наречницы, судницы, норны, мойры — дѣвы судьбы; онѣ даютъ человѣку долю, часть, участъ въ жизни, отмѣряютъ таланъ.

См. „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха“. Акад. А. Н. Веселовскаго XI—XVII. Вып. 5. Спб. 1889. Статья: Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ.

¹⁸⁾ Говорь—помолвка, произношеніе.

¹⁹⁾ Гора-горъ—человѣкъ страстный, укаръ.

²⁰⁾ Задачливъ—успѣшный, счастливый, удачный.

²¹⁾ Разгораздѣ—искусный, ловкій, мастеръ.

²²⁾ Базыковать—своеволеніе.

²³⁾ Въ горячей водѣ купанъ—вспыльчивъ.

²⁴⁾ Бузину ёдятъ отъ бесплодія.

Іуда по-нашему это все равно, что царь морской или водяной богъ²⁵⁾.

Сиборія (съ любопытствомъ, волнуясь). И не было у царя подозрѣній?

Орифъ. Какія же тутъ подозрѣнія?—Царица никуда глазъ не показывала, жила черничкой, только развѣ что къ морю и затѣмъ ровно черезъ годъ у ней другой сынъ родился, Стратимъ. А этого такъ называли по имени самой главной морской птицы, которая держитъ подъ правымъ крыломъ бѣлый свѣтъ.

Одинъ мудрецъ чудесно ее описываетъ²⁶⁾:

Живетъ на синемъ морѣ,
Плодъ плодить на морѣ,
Въ морѣ яица несетъ,
Изъ моря дѣтей ведетъ.

Да вы меня не слушаете?

Сиборія (открываетъ лицо. Смѣшавшись, сквозь слезы). Моя служанка мнѣ говорила, что тутъ передъ дворцомъ ходить страшный старище, а когда вы стали рассказывать, мнѣ и представилось, что это новый управитель... принцъ

Орифъ. Постойте: страшный старище... Тутъ бываютъ только двое: я и Зифъ. Больше никого. (Увѣренно.) Это—Зифъ.

Кадиджа. Кто же этотъ Зифъ?—тоже при управителѣ?

Орифъ. Лицо неприкосновенное.—Отважный. Ничто его не держитъ: ни погода, ни выюга, ни осеннеіе дожди. Гдѣ-гдѣ мы съ нимъ ни путешествовали. Побывали и въ Мазанческомъ царствѣ: такое есть дѣвичье царство, а женятся онѣ на Ефіопахъ съ году на годъ,—мальчишкѣ отдаются Ефіопамъ въ ихъ земли, а дѣвочонокъ при себѣ оставляютъ. Прожили мы у нихъ съ мѣсяцъ въ родѣ Ефіоповъ, — такая была тамъ Василиса гусятница, кхе... Ну были еще и у тѣхъ чудаковъ, которые подъ негасимымъ огнемъ живутъ въ Алѣберскомъ царствѣ: не пьютъ, не ёдятъ, куда вѣтеръ повѣтъ, туда и эти люди летятъ, какъ паутина, а смерти имъ нѣтъ и въ руки не даются. Правда, народъ благочестивый: ни одного ругательного слова... Кое-какъ протараканили время, посняли головы двѣнадцать для развлеченія да въ Окаменѣлое царство пустились. Въ Окаменѣломъ царствѣ ничего особеннаго, только что печки топить орѣхами, да заброшено оно на конецъ земли, гдѣ ни за какія деньги того же ситнаго не достанешь. Пообѣщали мы имъ цирога съ горохомъ, да давай Богъ ноги. А то попали разъ въ Поливянскую землю²⁷⁾, такая есть Поливянская земля; такъ въ этой землѣ, какъ есть, все ни на что не похоже: люди не люди — полузвѣрь, получеловѣкъ, обѣ одномъ глазѣ и обѣ одной ногѣ, а головы и въ поминѣ нѣтъ, вместо головы такъ что-то въ родѣ мышина хвостика торчитъ. Насилу ноги убрали. Круто пришлось.

(Не отводя отъ Сиборіи глазъ.) Зифъ—это задній умъ. Спитъ на одинъ глазъ.—Да вотъ и самъ онъ.

(Кадиджа, вскрикнувъ отъ испуга, убѣгааетъ).

25) Іуда-Юда—древне-славянское название для водного божества, сохранившееся въ Чудѣ-Юдѣ русской сказки. Юда—отъ корня und (лат. unda болг. уда).

26) Стихъ изъ „Книги Голубиной“.

27) Поливянская земля—земля великихъ грѣшниковъ, покаранная за грѣхъ; упоминается въ русскихъ духовныхъ стихахъ.

СЦЕНА II я.

Сиборія, Орифъ и Зифъ.

Зифъ (появляется изъ-за дворца отъ воротъ). Ага! любезный другъ,— такъ вотъ какъ ты занятъ государственными дѣлами. Губа у тебя не лура.—Кто это?

Орифъ. Сиборія, жена нашего сосѣда Симона.

Зифъ. Той гнусавой развалины съ пауковой бородой?—Не ожидалъ! (Кланяется Сиборіи.) Позвольте представиться: советникъ принца—Зифъ, а этотъ почтенный старецъ—мой соратникъ Орифъ.

Орифъ (обидѣлся). Самъ-то ты правой ногой приволакиваешь. Хромой чортъ!

Сиборія. Очень пріятно.—Вы, конечно, встрѣчались съ моимъ мужемъ?

Зифъ. Имѣлъ честь... отличный рѣдкій человѣкъ. (Замѣчая яблоню съ золотыми яблоками; съ удивленіемъ.) Какія прекрасныя яблоки! — У насъ на островѣ нѣтъ ничего подобнаго. Ну, право, я никогда бы не повѣрилъ, что гдѣ-нибудь на землѣ могутъ такія водиться. — Золотыя яблоки—и должно быть очень вкусныя. Позвольте мнѣ, я только одно... (Заносить ногу, чтобы перелѣзть черезъ заборъ.)

Сиборія (въ испугѣ). Нѣтъ, нѣтъ, никакъ нельзя. Эти яблоки заповѣдныя. Мы ихъ приносимъ только въ жертву. Въ память нашего сына. Мой мужъ такъ боится, что тронуть хоть одно яблоко. Онъ никому не довѣряетъ. Не спить ночей,—самъ ихъ стережетъ.

Орифъ (пріосанившись). Еще посмотримъ!—Одинъ такой устерегъ...

Зифъ. А я бы право не прочь... Я такихъ сроду не пробовалъ: они такія румяныя, какъ ваши губы, и золотыя, какъ эти волосы—(Лѣзть руками къ Сиборіи.)

Сиборія (отстраняясь). Стыдно!—старый вы человѣкъ!..

Зифъ (пошевеливаясь). Я хоть и старъ, но задатки еще имѣю—кое-чего достаточно.

Орифъ (фыркнулъ). У меня побольше.

(Зифъ и Орифъ распуштились. Трогаютъ другъ друга, толкаются, подкрякиваютъ, подмигиваютъ, подгмыкиваютъ. Говорятъ скороговоркой, двусмысленно, мѣтъ въ Сиборію).

Зифъ (подмигнувъ Орифу). У одного старика было десять сыновей и все они десять поѣхали на одной лошади пахать.

Орифъ. Вотъ это—ловкачи. Чего же это они десять человѣкъ дѣлали?

Зифъ. Умные люди найдутъ, что дѣлать.

Орифъ. Н-да, не хуже мохноногой.

Зифъ. Пахали, да еще какъ!

Орифъ. Ха-ха-ха! Смекнула?

Зифъ. Небось, смекнешь.

Орифъ. Похоже на то.

Зифъ. И такъ—и сякъ.

Орифъ. И такъ—и сякъ.

Сиборія (добродушно). Ей-Богу, прямо бѣсы, только что хвостовъ нѣтъ.

Зифъ. Вотъ и ошибаетесь: есть—да еще какие! Орифъ, покажи!

Орифъ (кобенясь). Трудно вынимается.
Зифъ. Вреть: распѣтушье²⁸⁾—такъ недоростокъ.
Сиборія. Фу!—отъ стыда глаза горятъ. Скажу вашему принцу.
(Скрывается.)

СЦЕНА III.

Зифъ и Орифъ.

(Какъ только скрылась Сиборія, тотчасъ Зифъ и Орифъ, не мигнувъ, бросятся къ тому мѣсту, где она стояла. Ишутъ щелку. Находятъ и смотрятъ въ садъ.)

Зифъ (съ замеревшимъ дыханіемъ). Лакомый кусочекъ.
Орифъ. Цѣлый кусище.
Зифъ. Жулябія!—какъ она на меня смотрѣла... ты замѣтилъ?
Орифъ. Не смотрю въ глаза.—Ты мнѣ ногу отдавилъ.
Зифъ. А ты не подымай морду,—куда лѣзешь!
Орифъ. Бьюсь объ закладъ: дѣло выгоритъ. (Съ пискомъ.) Червячокъ клюнулъ!
Зифъ (запыхавшись). Рыбка попалась!
Орифъ. Выгляни ты.
Зифъ. Вывѣси ты.
Орифъ. Солнышко! Яблонка!
Зифъ (нѣжно). Сиборія, съ чего ты хороша такъ, Сиборія!
Орифъ. (Сюсюкая, какъ съ дѣтьми, и самъ себѣ отвѣчая). Я—тутъ. Ты слышишь?—Нѣтъ.—А ты?²⁹⁾
Зифъ. Въ умѣ не устою. Пусти!
Орифъ. Покажи мнѣ пальчикъ! Дай пальчикъ!
Зифъ. Отстать не хочется...
Орифъ (не владѣя собой). Мяу-Мяу.
Зифъ (не владѣя собой). Мяу-Мяу.
(Зифъ и Орифъ, какъ слѣпые котята за молокомъ, тычутся къ щелкѣ.)

СЦЕНА IV.

Зифъ, Орифъ и Іуда.

Іуда (появившися на крыльцѣ, нѣкоторое время смотритъ съ большимъ любопытствомъ). Послушайте,—чѣмъ вы тамъ занимаетесь?

Зифъ (застигнутый врасплохъ, съ необыкновенно суровымъ выраженіемъ лица). Дѣла.

Орифъ (застигнутый врасплохъ, съ остервенѣніемъ). Дѣла.

Іуда (поспѣшно сходитъ съ крыльца. Къ Зифу). Мнѣ сказали, что ты вернулся съ корабля. Я нарочно раныше вышелъ изъ-за стола. Повсюду тебя ищу.

Зифъ (оправляясь). Я не смѣлъ беспокоить васъ, принцъ. Вижу—накрыть обѣдъ, я—сюда, а тутъ—Орифъ, мы и поспорили: можно чловѣку пролѣзть черезъ щелку или нельзя? Чокъ въ бокъ—и стали прімѣряться.

²⁸⁾ Распѣтушье—ни то, ни се; кладенный, холощеный пѣтухъ.

²⁹⁾ При произношениі этой фразы слѣдуетъ смягчать: ѣ въ ѣ; ѡ въ ѡ.

Орифъ. Только для этого, а больше не для чего.

Иуда. Дикая игра! — Говори скорѣе, что новаго привезли купцы, какія вѣсти съ острова?

Зифъ. Худымъ худо. — Неважно. Разумъ у царя помутился: доступъ во дворецъ закрытъ, всюду кишатъ шпіоны, хватаютъ по первому доносу; царь вообразилъ, что вы скрываетесь на островѣ, и издалъ приказъ казнить всѣхъ рыжихъ. Но, сами знаете, вы были единственнымъ, и вѣрные прислужники, никого не найдя, все-таки изъ выслуги перекололи не мало сѣдыхъ и черныхъ. Ункрада...

Иуда. Ункрада?

Зифъ. Объявлена свадьба: она выходитъ замужъ за вашего брата, за принца Стратима...

Иуда (не довѣряя). Ты правду говоришь?

Зифъ. Слово въ слово. — Убийства, грабежи, казни. Недородъ хлѣбамъ, недорость травамъ. Моръ, голодъ, грозы. Деревья по корню приломили. Разгрѣмѣлась туча, надрожалась земля отъ грома. Расходилось море со дна, день и ночь шумить безъ-умолку. Луга, болота залиты водой. Бродятъ вѣлки и змѣи. — Море мстить. Говорятъ, оно утишится, пройдетъ безгодье ³⁰⁾, настанетъ миръ, когда вы снова воротитесь на островъ.

Иуда (весь опустошенный). Послушайте, мнѣ вернуться? Я ничего не зналъ — я чувствую, какъ развертывается подо мной пропасть, упаль мракъ — словно ночь мое сердце, весь міръ закачался, разламываетъ грудь, здѣсь перевернулось что-то... Куда мнѣ дѣться? — я плохо вижу, еще толчокъ. — Всѣ противъ, всѣ отреклись: отецъ, мать, братъ. (Завертѣлся, какъ кубарь, кричитъ.) Ункрада, Ункрада!

Зифъ (стараясь перекричать, во все горло). Игемонъ!

Орифъ (невозмутимо). Стоитъ изъ-за пустяковъ такъ волноваться.

(Зифъ и Орифъ отходятъ въ сторону къ воротамъ).

СЦЕНА V.

Иуда, Пилатъ, Зифъ и Орифъ.

Пилатъ (съ крыльца). Я разослалъ гонцовъ. Всѣ норы перерыли. Какъ въ воду канулъ. А онъ тутъ себѣ спокойно рѣшетомъ солнце ловить ³¹⁾. Не хорошо. Иzmѣна! (Смѣется.)

Иуда (самъ съ собой). Отецъ, мать, братъ, Ункрада.

Пилатъ. Иуда! — Принцъ! — Да что это на тебя столбнякъ напалъ?

Иуда (безмысленно). Повтори...

Пилатъ. Ты оглохъ. — Я говорилъ, вредно купаться въ Йорданѣ. Иуда! (Показывая рукой въ даль.) Эна — синее море.

Иуда (встрепенулся). — Подходя къ Пилату). Прости, меня встревожили извѣстія: на родинѣ война.

Пилатъ. Опять за старое. Что такое родина? — плюнь. Хочешь музыкантовъ? Хочешь, я заставлю для тебя пролѣзть сквозь бревно во

³⁰⁾ Безгодье — безвременье, бѣдствіе.

³¹⁾ Рѣшетомъ солнце ловить — мечтать.

всю длину? А то поотдохнемъ немножко и поѣдемъ кататься на слонахъ.—Чай, у васъ бѣлые слоны не водятся?

Иуда. Только человѣчки о длинныхъ блошиныхъ ногахъ и съ быстрыми сторожливыми мягкими лапками.

Пилатъ. Ты нынче не въ духѣ.—Ну, засмѣйся!—А знаешь, что я придумалъ?

Иуда. Говори.

Пилатъ. Ну-ка отгадай!

Иуда. Пилатъ, уволь!

Пилатъ. Не можешь.—Такъ и быть, скажу... аль не говорить?

Иуда (послѣ томительного молчанія). Ну и не говори.

Пилатъ. Я хочу, чтобы ты женился.

Иуда. Какія глупости!—Зачѣмъ?

Пилатъ. Какъ зачѣмъ? — Чудакъ. Кажется по-русски я тебѣ сказалъ³²⁾.

Иуда. Благодарю. Я въ этомъ не нуждаюсь.

Пилатъ. Нѣтъ, позволь ужъ мнѣ знать, что тебѣ нужно. Принялъ я тебя, какъ родного сына, ты былъ голъ, какъ лутрошко³³⁾, и бось, какъ гусь,—обулъ тебя, одѣлъ, ты висѣлъ, какъ капля на листу,—далъ тебѣ уголь, я сдѣлалъ тебя первымъ человѣкомъ. Какой же я игемонъ, если не буду заботиться о своихъ подданныхъ, да притомъ еще о такомъ, какъ ты? Посмотри-ка на себя: на что ты похожъ? — и сонъ на глаза не идетъ, все поди ерзаешь. Повѣрь мнѣ: женившись, и все пойдешь по маслу.

Иуда (едва сдерживаясь). А я бы тебѣ посовѣтовалъ разжениться, а то ужъ слишкомъ ты масленъ.

Пилатъ. Разжениться? — мнѣ! — ха-ха! (Самодовольно обводя глазами, словно готовый обнять все, что только можно обнять, замѣчаетъ яблоню съ золотыми яблоками. Пораженъ.) Что за чудеса?!—Иуда, видишь?

Иуда. Яблоки.

Пилатъ (не вѣря себѣ). Золотыя?

Иуда. Золотыя.

Пилатъ. Сорви.

Иуда. Нельзя.

Пилатъ. Что?!

Иуда. Они не наши.

Пилатъ (ровно малый ребенокъ). Изведусь—хочу.

Иуда. Запрещаетъ законъ.

Пилатъ (Словно вырастая до небесъ). Я—законъ.

Иуда (минуту остается неподвиженъ.—Молчаніе.—Потомъ рѣзко.) Хорошо. (Направляется къ забору, срываетъ замокъ съ калитки и исчезаетъ въ саду.)

(Зифъ и Орифъ, которые слонялись гдѣ-то на задворкахъ, теперь на звонъ упавшаго замка высовываются впередъ и, съ любопытствомъ глядя на Пилата, прыскаютъ отъ смѣха.

Пилатъ сидитъ, розиня ротъ, съ сознаніемъ всего своего безграничнаго величія и предвкушая запретное удовольствіе.)

Зифъ. Законъ!

³²⁾ Кажется по-русски я тебѣ сказалъ—русскимъ языкомъ я тебѣ говорю — отрѣзать по-русски, направляки, на чистоту.

³³⁾ Лутрошко—липка, съ которой снята кора, содрано лыко.

Орифъ. Эка пасть то разинулъ.—Быка проглотить.

Зифъ. Жизнь и Смерть.

Орифъ. Ничего себѣ мордочка.

Зифъ. Тотъ, Который знаетъ.

Орифъ. Брюшко такъ и пышетъ.

Зифъ. Свѣтъ, просіявшій во мракѣ. Утѣшеніе міру.

Орифъ. Слюни распустилъ.

Зифъ. Сама Судьба.

Орифъ (на колѣняхъ). Радуйся, радуйся, Боже!

Зифъ (на колѣняхъ). Радуйсь, радуйся, Земля!

(Зифъ и Орифъ прячутся при видѣ Иуды, который съ яблоками въ рукахъ выходитъ изъ сада.)

Иуда (взволнованно). Старый хрычъ... Онъ бросился на меня изъ-за куста и хотѣлъ меня ударить. (Кому-то грозя.) Ну, пеняй же теперь на себя.—Длинны руки. (Подаеть Пилату золотыя яблоки.)

Пилатъ (облюбовывя яблоко). Хорошо полакомиться золотымъ яблочкомъ! (Отвѣдывая.) Какъ сахаръ.

Иуда (разсматривая яблоко). Не дурно. Такихъ я не встрѣчалъ. Говорить, какъ жаръ.

Пилатъ (входя во вкусъ). Разуважиль всласть.—Просто прелестъ. (Принимаясь за другое.) И дура же я, дура набитая, какъ это раньше-то я не замѣчалъ?

Иуда (играя яблокомъ). Ты ничего не замѣчашь. Цѣлое дерево передъ самымъ твоимъ носомъ.

Пилатъ. Будемъ имѣть въ виду.—Ахъ да, совсѣмъ и забыть: нынче къ намъ гости будуть: пожалуетъ самъ Обезьяній царь.

Иуда. Любопытно.

Пилатъ. Нашъ старый закадычный другъ: вмѣстѣ пудъ соли сѣли. Тебѣ, конечно, извѣстно, что нашъ Іерусалимъ—это пупъ земли, а Обезьянское царство отсюда рукой подать, тоже въ родѣ какъ на пупѣ стоить или около того тамъ, гдѣ все начинается. Мѣстность лѣсистая, жаркая, богатства несмѣтныя. Но главное, такой народъ тамъ—бестія: чихнуть нельзя—все сейчасъ же у нихъ извѣстно. Обезьяній царь мнѣ все новости разсказываетъ, и, еслинадобно какіе-нибудь такіе совѣты, тоже можетъ за милую душу. А главное: выйдетъ онъ и ровно все сбодѣютъ, такъ изъ него и претъ это, старика подыметъ. Вотъ увидишь. Ты съ нимъ поговори. Замѣчательный: на ходу держитъ носъ противъ вѣтра, знаетъ переулки и закоулки, входы и выходы, не сдѣлаетъ дѣла спроста, вретъ, какъ лыко дергетъ,—такъ словами, какъ листьями, стелетъ,—Асыка Первый. Вотъ кстати! Надо его угостить. На сладкое падокъ.

Иуда. Большая свита?

Пилатъ. У! страсть. Сначала-то ничего, а потомъ: такъ и идуть за нимъ, какъ рыба въ Іорданѣ, да съ пѣснями, съ ладонями,—пискъ, визгъ, гикъ, толкотня. Одного сахара за день погрызутъ, другому бы на годъ хватило, а полъ изслѣдѣтъ,—съ недѣлю поსлѣ моютъ,ничѣмъ не отмыть. А есть среди нихъ презабавныя.

Иуда. Маленькия?

Пилатъ. Всякія: и большія и маленькия. (Растерянно.) Погоди!.. что такое?.. что я сейчасъ подумалъ?—Ахъ, да! (Хоочеть.) Здорово при-

думаль!—Я этихъ твоихъ старыхъ дураковъ женю. Ей-Богу, женю. (Потирая руки отъ удовольствія.) Посмотримъ, что-то выйдетъ... Первая пропа! Понимаешь: человѣкъ—обезьяна. Воображаю. (Хохочетъ.) У васъ этимъ не занимаются?

(Изъ сада подымается глухой женскій плачъ.)

Іуда (насторожившись). Не знаю.

Пилатъ. А на тебя мы возложимъ обезьяніи знаки. Ты такіе не видѣлъ?

Іуда (прислушиваясь). Нѣтъ.

Пилатъ. Я Ироду намедни послалъ, такъ онъ обидѣлся. Дуракъ!—Мало ли какіе бываютъ: у однихъ звѣзды, у другихъ звѣри, а у третьихъ это... Что тамъ за шумъ?

Іуда (весь вобравшись въ себя). Да, шумъ.

Пилатъ. Ужъ не пожаръ ли? (Вдругъ просіявъ.) А!—да это онъ—Обезьяній царь!—а я думалъ Богъ вѣсть что. Надо отворить ворота настежь.

Іуда (дрожа всѣмъ тѣломъ). Тамъ кто-то плачетъ.

Пилатъ. Ну вотъ еще!—это тебѣ кажется. Я никогда не ошибаюсь.

Іуда. Плачетъ.

(Стукъ въ ворота.)

Пилатъ (подымается). Эй, кто тамъ, сюда!

Іуда. Въ саду плачетъ.

Пилатъ (нетерпѣливо). Какого чорта!—Я вамъ шиломъ глаза пропорчу!

(Молчаніе. Входитъ Орифъ.)

Пилатъ. Что тамъ такое?

Орифъ. Зифъ сейчасъ узнаетъ. Зифъ на ногу лютъ, скорымъ на скоро сбѣгаешь, дошлый—живо узнаетъ.

(Стукъ въ ворота. Тревожно. Появляется Вѣстникъ.)

СЦЕНА VI-ая.

Іуда, Пилатъ, Орифъ, Вѣстникъ и Обезьяній царь.

Вѣстникъ. Его величество царь Обезьяній, Обезьянъ великий—Асыка Первый.

Пилатъ. Проси. (Вѣстникъ исчезаетъ. Къ Іудѣ.) Вотъ видишь, никто и не думалъ плакать. (Идетъ къ дверямъ.)

(Музыка: обезьяній маршъ. ³⁴⁾)

Пилатъ (на порогѣ). А! Добро пожаловать, дорогой гость—насилуто дождался. Все приготовлено: столы застланы, иироги напѣчены, меду насычено, каша наварена.

Обезьяній царь. На востокѣ зажглась хвостатая звѣзда. Весь ея путь въ огнѣ. Днемъ и ночью брежжитъ. Идетъ въ Іерусалимъ.

Пилатъ. А у насъ золотыя яблоки.

Обезьяній царь (глазья на диво). Неправдошныя.—Поддѣлка.

Пилатъ. А ты не бойся.—Держи въ обѣ лапы.

³⁴⁾ Обезьяній маршъ—музыка М. А. Кузмина.

Обезьяній царь (не решаясь взять, нашелся). А у насъ дубъ просоять вывелъ, курица барана родила.

Пилатъ. А у насъ золотыя яблоки.

Обезьяній царь. А у насъ безрукій яйцо подобралъ, голому за пазуху наклалъ, слѣпой подглядывалъ, глухой подслушивалъ, нѣмой ура закричалъ, безногаго въ погоню погналъ.

Пилатъ. А у насъ золотыя яблоки.

Обезьяній царь. А къ намъ Арапъ пришелъ. Ёсть не просить, застѣль подъ пирамиду, пескомъ питается.

Пилатъ. А у насъ принцъ Искарюкскій Іуда.

Обезьяній царь (взглянувъ на Іуду, сбитый съ толку). А у насъ...
(Запнулся.)

Пилатъ (передразнивая). А у насъ...

СЦЕНА VII-ая.

Тѣ же и Зифъ.

Зифъ (появляясь отъ воротъ). Скоропостижно умеръ человѣкъ.

Говорятъ всѣ вмѣстѣ. Пилатъ. Ну?

Іуда. Кто такой?

Обезьяній царь. Человѣкъ?

Орифъ. Я такъ и зналъ.

Зифъ. Сосѣдъ Симонъ, хозяинъ сада.

Іуда. Гдѣ?

Зифъ. Нашли мертвымъ у яблони.

Іуда. Давно?

Зифъ. Еще теплый.

Іуда. Такъ что жъ имъ надо?

Зифъ. Говорятъ: убили.

Іуда. Есть подозрѣніе? — говори.

Зифъ. Требуютъ игемона.

Пилатъ (теряясь). Скажи, что я — я тутъ не при чемъ — у меня гости (Спѣшить во дворецъ.)

Іуда (перебиваеть. Рѣзко и отрывисто). Кто смѣеть требовать? Кто? — Чернь разогнать, трупъ похоронить, имѣніе и садъ — въ казну, а если есть молодая вдова, немедленно доставить во дворецъ!

Зифъ (удаляясь). По-царски.

Орифъ (удаляясь). Ладно.

Обезьяній царь. (схвативъ золотое яблоко, къ Іудѣ). Молодчина! Руку...

(Раздается хохотъ Пилата, выглядывающаго изъ дворца черезъ полуузатворенную дверь.)

Іуда (какъ съ цѣпи сорвался). Черная, красная, желтая, бѣлая, — всякаго цвета женщина, будь ты чудовище, будь ты самый послѣдній уродъ, мнѣ все равно — все равны. Нѣть памяти въ сердцѣ. Нѣть надѣй нимъ суда. Нѣть ему отвѣта. Ты, Солнце, ты, Мѣсяцъ, вы звѣзды, и Тотъ, Кто словомъ держитъ землю, дайте мнѣ звѣриную силу забыть. Подымитесь тучей, разорвите въ куски мое сердце: оно помнить, оно

не забыло... Ноги мои гвоздями прибиты, руки мои гвоздями прибиты, прободено сердце, а я еще живъ!

(Отъ воротъ появляется Сиборія въ сопровождениі Зифа и Орифа, которые ее уговариваютъ.)

СЦЕНА VIII-ая.

Іуда, Обезьяній царь, Зифъ, Орифъ и Сиборія.

Зифъ. Не кроти красоты. Не коли сердца.

Сиборія. Куда вы ведете меня? — Что я вамъ сдѣлала?

Орифъ. Не скорби лица. Не слези глазъ.

Сиборія. Зачѣмъ увѣли меня? — Что вамъ надо отъ меня?

Зифъ. Не клони головы. Уйми слезы.

Орифъ. Онъ не лисица, не обѣѣсть, не обцарапаетъ.

Іуда (увидѣвъ приближающуюся Сиборію). А, вотъ она!

Обезьяній царь (одной рукой подшвыривая, другой рукой подхватаивая золотое яблоко). Звѣзда идетъ! — Звѣзда идетъ!

Іуда (пристално и долго глядя на Сиборію). Ты меня знаешь? — Я — Іуда принцъ Іскаріотскій. (Послѣ напряженного молчанія къ Зифу и Орифу, хрипло.) Ведите во дворецъ. (Идетъ впередъ.)

Сиборія. Іуда? У меня былъ сынъ Іуда.

Занавѣсъ.

Н. Рѣрихъ. Іерусалимъ.
N. Rѣrihich. Jerusalem.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Декорація второго дѣйствія. Въ заборѣ калитка широко растворена.

СЦЕНА I-я.

Зифъ и Орифъ.

Орифъ (сидить на скамейкѣ недалеко отъ калитки. Мурлычитъ). «Ни заря зарѣетъ, ни солнце входитъ, ой только приходитъ черный кудлатый въ лаптяхъ. И онъ взялъ ее за бѣлу руку, ой повелъ ее въ зеленый лѣсъ. Тамъ новый дворъ, свѣтлые покои. И посадилъ ее за бѣлымъ столомъ, онъ и насыпалъ ей золота-серебра. Ой мнѣ не мило золото-серебро, только мнѣ мило отецъ-мать, братъ-сестра. Ой молчи, не плачь, красная панна, ой будетъ у тебя десять слугъ, десять слугъ, десять лихъ...»

Зифъ (бродя, какъ сонная муха). Много ихъ попало въ бѣду! Про одного рассказываютъ: схватилъ онъ подвернувшійся колъ и такъ ловко чвакнуль³⁵⁾ соннаго по головѣ, что у того черепъ раскололся. Ткнулъ еще коломъ въ животъ и попелъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Орифъ. Изъ ревности?

Зифъ. Нѣтъ, такъ себѣ.

Орифъ. Ну и обезьяна! Эти обезьяны любого изъ нась за поясъ заткнутъ.

Зифъ. А что съ той косоглазой выдѣльвали — просто умора! — Гладиль, гладиль ее одинъ — тише воды, ниже травы — да какъ пырнеть, кровь пробрызнула...

Орифъ. Какъ же ихъ судили?

Зифъ. Обыкновенно, какъ людей.

Орифъ. Какой же приговоръ?

Зифъ. Одна дорога — всѣмъ безпощадная казнь. Принцъ неумолимъ: не спускаетъ вины виноватому.

Орифъ. Я бѣ и этого самаго Обезьяняго царя положилъ-бы на ладонь и другою раздавилъ, вотъ такъ! Онъ вѣдь всѣмъ коноводилъ. — Да не одного его... а и еще кого-нибудь. — Ласковыя лести, привѣтливыя слова, чомы да ломы³⁶⁾! Только что по поясъ человѣкъ, а тамъ — скотъ. Намутили, пакостники!

Зифъ. Не поздоровится! — Всякій свое, какъ полагается, по закону получитъ: кому вытянуть жилы, кому гвоздь вобъютъ въ голову, кому животъ распорютъ, кого сожгутъ въ уголь, кого бросятъ въ котель съ расплавленнымъ свинцомъ, кого закопаютъ по уши въ землю, кому голову долой. — Знай нашихъ!

Орифъ (грустно). Что-то теперь у насъ на островѣ дѣлается?

Зифъ. Вѣстей давнымъ давно нѣтъ. — Должно быть провалился.

Орифъ. Въ своемъ то домѣ и углы помогаютъ.

Зифъ. Когда муравей перейдеть черезъ море, тогда мы вернемся. — Острова намъ какъ своихъ ушей не видать. Выкинь ты его изъ головы.

³⁵⁾ Чвакнуль — хватилъ.

³⁶⁾ Чомы да ломы — спесь. Такъ говорится про спѣсиваго и гордаго.

Орифъ (встаетъ и бродитъ какъ Зифъ, сонной мухой). Здорово жарко.
Зифъ (насмѣшливо). А ты чего такъ закутался, не зима.—Ты хоть
бы разстегнулся.

Орифъ (раздраженно). Самъ растегнись.

Зифъ. И растегнусь.

Орифъ (дразня). Песь тебъ не велѣлъ!—Ну?

Зифъ (повертываясь къ Орифу спиной. Зло). Проклятая середа,—
безталанный день!—Что за дурацкія причуды: навязать носить эти
обезьяны знаки. Да съ такими сокровищемъ на шеѣ, если не прикры-
ваться, никуда и носа не покажешь: всякий тебя на смѣхъ подыметъ.

Орифъ. Слава Богу, что хоть только по середамъ велятъ. А то
сопрѣешь. (Плаксиво.) Мѣста себѣ не нахожу. Доведутъ они до конца:
станешь хуже листа лежалаго.—Хоть бы въ холодокъ куда!

Зифъ. Нашли посмѣшище! — Это за всѣ то за наши заслуги и
такое безобразіе! Нечего сказать: показали Москву въ рѣшето ³⁷⁾!—
Я полагалъ, что намъ отвалять этакъ мѣшка по три чистаго золота.
(Верхъ возмущенія). Да что мы ему въ самомъ дѣлѣ?—На чорта они намъ,
обезьяны знаки!—у меня тоже есть стыдъ!—хороша дружба... неблаго-
дарный.

Орифъ. Это Сиборія ему на насъ наговорила.

Зифъ. Сиборія?

Орифъ. Была оплошка,—помнишь, какъ мы въ щелку-то влѣзть
хотѣли... ты еще палецъ то себѣ ссадилъ?..

Зифъ. Іуда къ намъ ревнуетъ.

Орифъ. Тише, онъ въ саду.

Зифъ. Съ ней?

Орифъ. Нѣтъ, съ игемономъ.

Зифъ. А Сиборія?

Орифъ. Пошла во дворецъ. (Глубокомысленно.) Она всегда но-
ровитъ пройти мимо меня.

Зифъ (оживился). Ничего себѣ штучку подцѣпилъ!—За такой ну-
жень глазъ да глазъ, а то живо рога наставитъ.

Орифъ (съ удовольствіемъ). Не такъ давно, какъ они женаты, а
она отъ скуки прямо на стѣну лѣзетъ (Прыскаетъ).

Зифъ (поводя усомъ). Ему хоть колъ на головѣ тѣши, все равно,—
писклячья душа ³⁸⁾. (Толкая Орифа подъ бокъ локтемъ.) Ей нешто такого надо!

Орифъ. Не стоитъ мараться.

Зифъ. Стоитъ и даже очень стоитъ... (Озлившись.) А то самъ — во
какую, а намъ эти неподходящіе обезьяны знаки, да еще... ишь чего
захотѣлъ: женись, говорить, на обезьянѣ! (Перекашиваясь.) Кушайте сами,
если болѣно охота.

Орифъ. Минѣ эта чумазая тварь до сихъ поръ во снѣ снится.—
Насилу тогда очунѣлъ ³⁹⁾.

Зифъ. А мнѣ досталась черная губастая, такая противная, что я
не удержался и плюнулъ ей прямо въ ротъ.

Орифъ (шипитъ). Мышій хвостъ—тараканій глазъ!

³⁷⁾ Показать Москву въ рѣшето—обмануть.

³⁸⁾ Писклячья душа—хилый.

³⁹⁾ Очунѣлъ—очувствовался, опомнился.

Зифъ. Налицо само дѣло: Іуда къ намъ ревнуетъ.

Орифъ. Волчья сыть—травяной мѣшокъ!

Зифъ. Ухватило за сердце: вотъ онъ надъ нами и издѣвается, Орифъ. И говорить не хочется!—Что тутъ хорошаго, въ этомъ Іерусалимѣ: ни въ любви, ни къ совѣсти, ни къ душѣ—на умъ ничего не пойдетъ. То ли дѣло на островѣ: ъшь! сътъ, не хочу! А тутъ круглый годъ впроголодь. Не люди тутъ, а ироды. Бѣешься, перебиваешься, что рѣка отъ берега до берега. Все не по-нашему.—Чего доброго или одубѣешь⁴⁰), или спечешься: у меня по всему тѣлу что-то въ родѣ яичной скорлупы растетъ. Надо бы хуже, да некуда.

Зифъ. Не скажи,—скоро тутъ такое подымется, только пухъ полетитъ—будеть гдѣ разгуляться.

Орифъ (въ испугѣ). Неужто опять Обезьяній царь?—Я не согласенъ. Я сбѣгу.

Зифъ. Овчухъ⁴¹)! Отъ Обезьяньяго царя давно слѣдъ простыль: опь себѣ знаетъ. Нѣтъ, появился необыкновенный человѣкъ: исцѣляетъ мертвыхъ, подаетъ зреѣніе слѣпымъ, имѣетъ власть надъ вѣтрами и моремъ, а когда проходитъ, на весь свѣтъ свѣтить, и поля и звѣри преклоняются передъ нимъ, а глаза его—насквозь видѣть. Говорятъ, этотъ самый человѣкъ и будетъ царемъ Іудейскимъ.

Орифъ. А игемона по шапкѣ?

Зифъ. Не на рукахъ же нянѣчить!—Надаютъ хомяковъ⁴²). Важное время приходитъ: такое тутъ подымется—пойдетъ смерть по напастямъ, только держись.

Орифъ (осѣль). Старъ я сталъ,—на моихъ плечахъ семьдесятъ два лѣта,—ни новостей мнѣ не надо, ни богатства. Ты и такъ, и сякъ, а оно возьметъ свое. А былъ-то я какой: красивый и стройный, хоть сквозь колечко продѣны. Ушли мои силы. Не воротиться въ молодые дни. (Присаживаясь). Милѣе сна ничего нѣтъ.

Зифъ. Сонъ и смерть—братья. (Хохочетъ.) Гроза будетъ, ты и киснешь.—А я еще молодцомъ: могу и туда, и сюда воротить!

Орифъ (чуть не плача). Хоть бы кисленькаго!—что-то морить... Я грозы боюсь.

Зифъ. Вставай ужъ! (Подсмѣвается.) Пойдемъ козью простоквашу ѡсть. (Подмигивая.) Или покормить тебя медовыми оладушками⁴³)? Эхъ ты, лягушечья мля⁴⁴! Боляба⁴⁵!

(Зифъ и Орифъ удаляются по направлению къ воротамъ).

СЦЕНА II-я.

Зифъ и Ункрада.

Зифъ (возвращаясь.) Фу!—въ глазахъ позеленѣло. Нѣтъ, я не могъ ошибиться. Это была Ункрада.—Я хорошо вижу.

⁴⁰) Одубѣешь—окоченѣешь.

⁴¹) Овчухъ—овечий клещъ.

⁴²) Надаютъ хомяковъ—подшлепниковъ, колотушекъ.

⁴³) Оладышки—оладьи—лепешки, толстые блины.

⁴⁴) Лягушечья мля—лягушечья слизь, отъ которой у дѣтей на рукахъ бородавки бываютъ.

⁴⁵) Боляба—размазня, вѣчно хворый.

Ункрада (слѣдомъ за нимъ). Ты меня узналъ?
Зифъ. Изъ тысячи узналъ бы. Вы ничуть не измѣнились, Ункрада.
Ункрада. Тише! Я не хочу, чтобы кто-нибудь зналъ, что я
тутъ.—Гдѣ Іуда?
Зифъ. Въ саду. А жена его во дворцѣ.
Ункрада. Онъ женатъ?—давно?
Зифъ. Еще не кончился медовый мѣсяцъ.
Ункрада. Кто его жена?
Зифъ. Сиборія, жена нашего сосѣда, покойнаго Симона.
Ункрада. Я хочу все знать.
Зифъ. Принцъ Іуда скоро выйдетъ.
Ункрада (послѣ нѣкотораго раздумья). Тебѣ известна дорога къ
пристанямъ?
Зифъ. Веселая дорога,—какъ не знать!
Ункрада. Ты проводишь меня, но такъ, чтобы никто не видѣлъ.
Понимаешь? Наши корабли еще не вѣдь пристали. Ты можешь это сдѣлать?
Зифъ. Когда угодно.
Ункрада. Я хочу все знать.
Зифъ. Развѣ вы тутъ не останетесь?
Ункрада. Я сюда вернусь потомъ. Я приду сюда не такъ.
Зифъ. Идемте. Тутъ опасно. Вы слышите?
Ункрада (прислушиваясь). Іуда?
Зифъ. Іуда и игемонъ. Идемте.

(Торопливо уходятъ по направленію къ воротамъ.)

СЦЕНА III-я.

Іуда и Пилатъ.

Пилатъ (выходя изъ сада, къ Іудѣ). Я очень доволенъ, что ты теперь такъ спокойно можешь разсуждать о всякихъ предметахъ. Ты мнѣ прекрасно изложилъ ученіе этого человѣка. Оно безсмысленно и несуразно. Но кто такой этотъ человѣкъ?

Іуда (сосредоточенно). Иногда мнѣ кажется, онъ одинъ изъ тѣхъ, кто появляется во времена угнетенныхъ, когда власть крѣпка, а въ странѣ тиши да гладь. Жуткая пора: кладбища-могилы, засыпанныя землей, только такъ кажутся тихими, все подавленное живо, и въ тишинѣ и скрытно куетъ сердце изъ всѣхъ слезъ на всѣхъ огняхъ и кладетъ его гордое и безстрашное, въ грудь одному—родится сынъ человѣческій, громомъ падаетъ онъ и мстить за тысячи, и месть его жесточе тысячи мстей. Иногда же мнѣ кажется, онъ больше такого мстителя, больше пророка, посылающаго на землю огонь и моръ. Вѣтры носятъ его по надзвѣздному миру, звѣри, трава, даже камни говорятъ съ нимъ и повинуются его велѣнію, птицы внимаютъ ему и слушаютъ. Жизнь, какъ она есть, непонятна: живутъ не зная для чего, мучаются, не зная за что... Нѣть ей оправданія. И твоя правда, и моя правда, и вездѣ правда, а нигдѣ ея нѣтъ. Этотъ человѣкъ несетъ новый законъ.

Пилатъ. Новый законъ! Ха-ха! Царемъ хочетъ быть? Царь Іудейскій!

Иуда (сокровенно). Я видѣлъ его: онъ остановился на распутьѣ промежъ трехъ дорогъ, онъ ждетъ къ себѣ другого, который, измученный, никогда не находя себѣ утѣшения, пришелъ бы къ нему и принялъ бы на себя послѣднюю и самую тяжкую вину, чтобы своей жертвой открыть ему путь...

Пилатъ. Какую жертву? И такъ все для нихъ дѣлаемъ.

Иуда (не отвѣчая; самъ съ собой, въ раздумьѣ). Человѣческое сердце, принявшее на себя послѣднюю и самую тяжкую вину, можетъ ли оно вынести всю тяжесть такой послѣдней вины?

Пилатъ. Эти бунтовщики натворили не мало зла.

Иуда. Она заполнить все его сердце, она охватить всю его душу, она обниметъ его съ ногъ до головы, люди въ ужасѣ отшатнутся отъ него, небесныя силы съ воплемъ отлетятъ прочь, выскользнетъ земля изъ-подъ его ногъ, и онъ останется одинъ, повиснетъ на воздухѣ и будеть висѣть одинъ между землей и небомъ.

Пилатъ (раздражаясь). Ну, что имъ еще надо? Что вздумали! У меня просто голова разбаливается. Впрочемъ, у насъ найдутся средства. Я на тебя, какъ на каменную гору. (Прюстанивается на крыльцѣ.) Какая грозная туча. Вешній градъ летить. Будеть звонъ на небесахъ.

Иуда. Паритъ.

Пилатъ. А какъ твоя жена? Доволенъ?

Иуда. Меня удручаютъ ея припадки.

Пилатъ. Она больна? Ну, вотъ видишь, я говорилъ тебѣ. Ничего, можно и другую. За этимъ дѣло не станетъ.

Иуда. Нѣтъ, зачѣмъ... Такъ она веселая и спокойная, и смирина, какъ роса, но по временамъ на нее находить. Это бываетъ въ такіе вотъ душные дни начала мѣсяца.

Пилатъ. Въ помѣшательствѣ находится?

Иуда. Тише, вотъ она.

(Сиборія выходитъ изъ другихъ дверей дворца.)

Пилатъ (наблюдая за Сиборіей). Видѣ у нея подозрительный.

Иуда. Она становится у яблони и плачетъ.

Пилатъ. О старики?

Иуда. Нѣтъ, о сынѣ.

Пилатъ. Развѣ были у нея дѣти?

Иуда. Былъ одинъ сынъ. Говорятъ, что въ ночь, когда онъ родился, появилась эта чудесная яблоня съ золотыми яблоками. Тутъ скрывается какая-то загадка.

Пилатъ. Ты съ ней не говорилъ?

Иуда. Ни разу.

Пилатъ. Она горить, какъ свѣча. Смотри, она цѣлууетъ землю.

Иуда. Ей представляется, будто она приходить на могилу къ своему сыну.

Пилатъ. Пойдемъ! (Съ гадливостью.) Мнѣ не по душѣ слезы и претѣ могилы. Пойдемъ.

Иуда. Ей лучше, когда она одна. Я сейчасъ. Иди.

(Пилатъ уходитъ во дворецъ, Иуда остается на крыльцѣ.)

СЦЕНА IV-я.

Сиборія и Іуда.

Сиборія (стоитъ противъ яблони; причитаетъ). Думала ли я, гадала ли я, что доживу до печального разставанія и буду охать въ тоскѣ и въ бѣдѣ. Стало не въ мочь мнѣ кручиниться, пришлось мнѣ говорить лютую гробовую тоску. У меня бѣтъ сердце по тебѣ, убиваются, а некому утѣшить. Всякій часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полуночамъ не заѣмъ, не запью, не проливъ слезъ. Ой, горькая истома моя! Бѣдное сердце, съ утра до вечера кручинное! Ты былъ бѣлѣе бѣлаго снѣга, румянѣй огненнаго солнца, милѣй серебристой луны. Горы облегли—обняло горе. Вздохни, отзовись, или ты полюбиль сырую матеремлю, забылъ свою родную? Подымались метели со снѣгами, то на нашу бѣду, выходили тучи изъ-за облакъ грозными выногами, то на нашу бѣду; онѣ унесли нашъ ненаглядный свѣтъ, онѣ закрыли и землѣй прикрыли. Заря выходитъ, а ты не взойдешь: съ черною ночью сдружился. Звѣзды взойдутъ огне-крупными слезами, на тебя взглянутъ и падаютъ, а ты не шелохнешься. Сорву ли цвѣты, положу ли на могилу, не завянутъ отъ моихъ слезъ, слезъ горючихъ. Кто выпьетъ мои слезы, какъ не сырая земля. О, ты, мой незапамятный! Во спѣ или наяву я плачу рыданіемъ и тебя не вижу. Во мнѣ все закручинилось. За то ли, что я зачала тебя, что любила тебя,—гдѣ ты? Синее ли море поглотило тебя,—гдѣ ты? Повѣдай, не скрывай, скажи, я одна подлѣ тебя, я давно жду твоего отвѣта. Или не узнаешь взрыднаго голоса? Кланяюсь, цѣлую въ губы, скажи на ухо, порадуй непорядную ⁴⁶⁾, обними обнимающуя тебя. Проснись, пробудись...

Іуда. Сиборія...

(Сиборія смотритъ на Іуду съ простертymi руками.)

Іуда (подходя къ Сиборіи). Сиборія, скажи мнѣ... Я стоялъ тутъ и слушалъ. Твой плачъ надрываетъ сердце. Пожалѣй себя. Развѣ ты не любишь меня?

Сиборія. Люблю.

Іуда. Милая горлица, бѣлая пташка! Будемъ любить другъ друга. Будемъ навѣки вмѣстѣ. Насъ съ тобой не разлучать ни снѣга, ни морозы. (Лаская. Тихо.) Открой же: что на твоемъ сердцѣ? Не бойся. (Сиборія понурилась.) Я помогу тебѣ.

Сиборія. Нельзя помочь.

Іуда. У тебя есть грѣхъ на душѣ?

Сиборія. Нѣтъ мнѣ просвѣта.

Іуда. Ты одна его совершила?

Сиборія (послѣ борьбы, совсѣмъ склонившись; едва слышно). Одна.

Іуда. Кто-нибудь зналъ?

Сиборія. Мой мужъ.

Іуда (рѣшительно, послѣ нѣкотораго молчанія). Сиборія, какой бы ни былъ твой грѣхъ, самый тяжкій, клянусь тебѣ, я его беру...

Сиборія. Остановись! Его никогда не замолить.

⁴⁶⁾ Непоряднную—разстроеннную, разладнную. См. Е. Б. Барсова: Причтанія сѣвернаго края. Ч. I. М. 1882.

Иуда. Пусть такъ. Этотъ грѣхъ я признаю на себя.

Сиборія (съ отчаяніемъ). Я погубила свое единственное дитя.

Иуда. Это случилось по неосторожности? Ты его заспала ⁴⁷⁾?

Сиборія. Нѣтъ. Сама. Слушай и суди меня.

Иуда. Говори.

Сиборія (собравшись съ духомъ, спокойно). Въ годъ моего замужества однажды ночью приснился мнѣ сонъ: видѣла я, явился ко мнѣ крылатый человѣкъ и, опаливъ меня, ровно огнемъ, сказалъ, что рождается у меня сынъ, который погубить весь нашъ родъ: убьетъ отца, женится на матери, будетъ царемъ, и горе его душѣ и надъ горями горе и надъ бѣдами бѣда—лучше бы было да ему на свѣтѣ не родиться. Проснувшись, я рассказала мужу, онъ сталъ шутить и смеяться. Въ ту же ночь я зачала. А когда родился у насъ сынъ, страхъ обуялъ насъ: мы хотѣли убить его, рука не поднимается, жалко; оставить же у себя, воспитывать его, страшно. Взяли мы тогда корзинку, осмолили ее, выложили сѣномъ, взяла я его, омыла моими слезами, отерла косами, и положили его въ корзинку, а вмѣстѣ съ нимъ записку съ именемъ и золотое яблоко, чтобы забавлялось дитя. Снесли корзину на Йорданъ и пустили ее въ море. Думали: понесутъ ее волны, а море безнайду поглотить. Море и поглотило. А что же вышло? Мужъ мой дожилъ до старости, никто его пальцемъ не тронулъ, самъ собой померъ, я за тебя вышла, а невинное дитя погибло. Никто не знаетъ судьбы. Я же повѣрила сну. Что мнѣ за это?

Иуда. А какъ давно это было?

Сиборія. Лѣтъ двадцать.

Иуда (про себя). Лѣтъ двадцать. (Громко.) А яблоко съ этой яблони?

Сиборія. Въ ночь, когда онъ родился, чудомъ появилась эта яблоня. Такой на всемъ свѣтѣ нѣтъ.

Иуда. Стало быть, если явится человѣкъ, который будетъ обладать такимъ яблокомъ, это и будетъ твой сынъ?

Сиборія. Да, но онъ никогда не явится. Прежде, бывало, я ждала его: припаду, бывало, къ землѣ и все слушаю, не стучать ли колеса, не звенятъ ли подковы... Истаяли мои глаза. Мнѣ мучиться и не отмучиться.

Иуда. А какъ звали твоего сына?

Сиборія. Иудой.

(Молчаніе. Появляется Вѣстникъ, за нимъ Зифъ.)

СЦЕНА V-я.

Сиборія, Иуда, Вѣстникъ и Зифъ.

Зифъ (задерживая Вѣстника). Постой! Остановись! Куда идешь?

Вѣстникъ. Я долженъ сказать ему.

Зифъ. Постой. Видишь,—сейчасъ не время.

Вѣстникъ. Она привезла съ острова важныя вѣсти.

Зифъ. А тебѣ что! Сама придетъ и сообщить ему. Не мѣшай.

⁴⁷⁾ Заспать—удушить, задавить собою въ крѣпкомъ снѣ.

Вѣстникъ. Онъ ничего и не подозрѣваетъ...
Зифъ. Онъ забылъ все на свѣтѣ.
Вѣстникъ. Люди такъ часто забываютъ.
Зифъ. Видишь, какъ онъ потемнѣлъ вдругъ, темнѣе тучи. Пойдемъ отъ грѣха: увидитъ, еще задастъ намъ.
Вѣстникъ. Ну, пускай она сюда сама приходитъ. Я ей такъ и скажу.
(Зифъ и Вѣстникъ исчезаютъ. И черезъ нѣкоторое время на крыльцѣ дворца показывается Ункрада, оставаясь незамѣтною для Сиборіи и Іуды.)

СЦЕНА VI-ая.

Сиборія, Іуда и Ункрада.

Сиборія (къ Іудѣ, молчаніе котораго становится невыносимымъ). Да что же ты молчишь?—Дай мнѣ отвѣтъ.

Іуда (внятно). Я твоего мужа убилъ.

Сиборія (не понимаетъ). Чѣ?..

Іуда. Я твоего мужа убилъ.

Сиборія (смотритъ съ недовѣріемъ и тревогой). Ты бредишь.

Іуда (твердо). Когдѣ по повелѣнію Пилата я вошелъ въ вашъ садъ, чтобы достать ему золотыхъ яблокъ,—это было, помнишь, въ ту ночь?—и не успѣлъ я сорвать и одного яблока, какъ на меня бросился какой-то старикъ и хотѣлъ меня ударить; я съ силой оттолкнулъ его отъ себя—онъ крѣпко ударился объ землю и больше не поднялся. Это былъ твой мужъ. Я убилъ его. Теперь между нами нѣтъ тайны.—Простишь ли ты мнѣ?

Сиборія (поднялась, въ тихомъ ужасѣ). Я сейчасъ... я этого не знала... я не могу такъ сразу... дай мнѣ собрать мысли. (Идетъ, шатаясь, по направлѣнію къ саду; у калитки остановилась.) Господи, какъ же это такъ... Это невозможно... (Ступаетъ въ садъ.)

Іуда (проводя ей глазами). Не простишь. — Ты не простишь?.. (Стоитъ угнетенный. Невольно поворачиваетъ голову въ сторону дворца, вглядывается и пятится къ забору, узнавъ Ункраду.)

СЦЕНА VII-ая.

Іуда и Ункрада.

Ункрада. Покаялся?

Іуда. Кто тебя привелъ сюда?

Ункрада. Море.

Іуда. Что тебѣ надо?

Ункрада. Не узналъ?.. Съ острова вѣсти.

Іуда. Что случилось?

Ункрада. Клятву нарушилъ.

Іуда. А ты?

Ункрада. Повѣрилъ... Эхъ ты, человѣкъ, такъ-то ты любишь!

Іуда. Ты измѣнила.

Ункрада. Твой братъ убитъ.

Иуда. Кто его убійца?

Ункрада (со смѣхомъ). Іерусалимскіе купцы.

Иуда. Не понимаю.

Ункрада. Не понимаешь? Забылъ?.. Вспомни! Задумай! ⁴⁸⁾ Я, бывало, въ сумерки, когда сомнется день съ ночью, придетъ короткая пора,—закрѣплю мое сердце, наклоню голову, сдержу тоску, а лѣсъ-то какъ расшумится, то въ бую и въ шуму его ничего ужъ не слышно, только слышенье человѣчій голосъ. Я пою—моя пѣсня. Она жжетъ мнѣ сердце. Пѣсни—соколы, куда ихъ дѣну? Жарко люблю, я буду любить наперекоръ вѣтру, грозѣ и бурѣ. Такъ годъ годовала—вѣкъ вѣка. Всѣ думы продумала. Три темныя мглы опустились. И росла тоска, какъ вечерняя тьма подъ осень. (Переступая ступени лѣстницы.) Если бы забыла тебя, я никогда бы не пришла сюда.—Смотри, голова моя увивана золотомъ. Я—твоя воля и твоя судьба. Кладу ее выше плечъ на твою голову. Мой вѣнецъ не свѣтъ вѣтры, не смочуть дожди, не сымутъ люди. Я нашла тебя.

Иуда (охваченный тревогой). Ункрада, что ты скрываешь?

Ункрада. Твоя мать умерла.

Иуда (растерянно). Я съ ней не простился.—Звала она меня?

Ункрада. Нѣть.

Иуда. Нѣть?..

Ункрада. Она тебѣ не мать.—Ты не ея сынъ.

Иуда. Она не моя мать?..

Ункрада. Подойди ко мнѣ: не огонь иду, не обожгу.

Иуда. Неправда. (Подходя къ Ункрадѣ.) Какъ могло это случиться?

Ункрада. Очень просто. Двадцать лѣтъ твоя мать скрывала, все боялась и только передъ смертью рѣшилась открыть царю. Она долго была бесплодна,—ты это знаешь,—и желала имѣть ребенка. Никуда не выходила, все молилась, только къ морю. Однажды, молясь у моря, она увидѣла прибитую волнами къ берегу осмоленную корзинку, а въ корзинкѣ на сѣнѣ лежалъ младенецъ. Тамъ же нашла она записку—имя младенца и диковинное золотое яблоко. Вотъ оно.—Горитъ, какъ жаръ! (Подаетъ Иудѣ яблоко.) Теперь ты свободенъ. Бояться нечего. Темно между землей и небомъ. Никто не знаетъ своей судьбы. Всѣ предсказанія лгутъ.

Иуда (однѣми губами). Всѣ предсказанія лгутъ... А это яблоко?

Ункрада. Царь тебя ждетъ, чтобы передать тебѣ царство. Укротились въ полѣ вѣтры, уходила волна на морѣ. Гроздно сине солено море не горитъ погодой, уставилось. Тихое тихо гонить воду. Корабль готовъ. (Протягиваетъ Иудѣ руку.)

(Иуда столбомъ стоитъ; въ рукахъ золотое яблоко.)

Что жъ стоишь?—не змѣя плыву, не оклюю ⁴⁹⁾. (Съ горькой усмѣшкой.) Или жаль тебѣ теплого угла, тѣнистаго бѣлаго сада?—Твоя жена все забудетъ.—Что жъ? убилъ ея мужа: покаялся.—Она проститъ тебя. Она такая, что прощаютъ... Народите дѣтей, заживете въ душу—и

⁴⁸⁾ Задумай—призадумайся, загадай.

⁴⁹⁾ Не оклюю—не ужалю, не испорчу, не слажу.

пройдутъ ваши годы, какъ птица пролетитъ: не жизнь, а масляница!
(Съ гнѣвомъ.) Поди, прости съ ней.

(Иуда попрежнему стоитъ, не подымая глазъ.)

Ункрада. Царь!

Иуда (вздрогнувъ, черезъ силу). Посмотри, что съ моей матерью.

Ункрада. Съ какой матерью?! (Смотритъ съ недоумѣniемъ вокругъ. Глаза упали на яблоню. Стоитъ пораженная.) Золотыя яблоки! (Вдругъ что-то припоминается ей.) Гдѣ я ихъ видѣла?.. (Мучительно роется въ памяти. Быстро подходитъ къ Иудѣ, смотритъ сначала на яблоко.) Дай мнѣ его!.. (Потомъ заглянула ему въ лицо.)

Иуда (не выпуская изъ рукъ яблока). Она тамъ... моя жена и моя мать... въ саду.

Ункрада (отступая). Жена и мать... (Подавивъ въ себѣ поднимавшійся вопль, неровно, озираясь, проходитъ въ садъ, откуда скоро возвращается, осторожно закрываетъ калитку. Шопотомъ.) Ее кинуло въ сонъ—она заснула—подъ яблоней: золотые ея волосы лучами раскинулись по землѣ, она спить, какъ солнце спить въ яблоновомъ садѣ, бѣло-алый цветъ осыпается на ея глаза... (Вскрикиваетъ.) Смотри!—черное облако безъ крыльевъ летить надъ нами!.. Ее громомъ убеть!

Иуда (выпрямляется. Отбрасываетъ яблоко. Дѣлаетъ на себѣ крестъ). Я готовъ.

Ункрада (преграждая ему путь). Куда?..

Иуда. На распутье.

Ункрада (какъ во снѣ). Къ тремъ дорогамъ?

Иуда. Я слышу его голосъ. Онъ зоветъ меня, чтобы я принялъ на себя за весь міръ послѣднюю и самую тяжкую вину.

Ункрада. Иду за тобой. Вмѣстѣ... А ты знаешь имя этой вины?

Иуда (на минуту задумался; про себя). Имя...

Ункрада (словно расцвѣла вся). Да, имя ея... Послѣдняя и самая тяжкая вина—предательство.

Иуда. Я готовъ. (Идетъ въ предгромной тишинѣ.)

Ункрада (бросается за нимъ). Остановись! Ты—царь. Твое—Море. Твой—Океанъ. (На колѣняхъ.) Остановись! Послушай меня. Какъ земля къ землѣ припадаетъ тихо и кротко, такъ я къ тебѣ... тихо и кротко... Тебя твоя тѣнь покидаетъ.—У тебя нѣть больше тѣни! Иуда! (Ползетъ за Иудой.) Предатель... предатель... предатель...

Занавѣсь.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Сказание о Иудѣ предателѣ⁵⁰⁾.

Бысть нѣкій мужъ въ Иерусалимѣ именемъ Рувимъ, именовашежеся иначе Симонъ, отъ колѣна Данова, о немъ же пишется: «Да будетъ Данъ змія на распутьї»; отъ коего колѣна имать родитися антихристъ. Сей Симонъ имѣяше жену именемъ Циборію, и зачатъ Циборія сына, и уснувши сонъ видѣ. Воспрянувши же отъ сна, страхомъ велимъ одержима бысть; со вздоханіемъ и сътвованіемъ мужу своему начать повѣдати, глаголя: «Видѣхъся, рече, родыши сына зѣло злого, иже явися всему роду нашему виною погибели». Къ ней же мужъ рече: «Пустошная и слышанію недостойная глаголеши, лукавый же духъ устраши тя». Къ нему-же жена: «Аще, рече, не медливши зачыну во чревѣ, и рожду сына, безъ всякаго усомнѣнія, не лукавый бо духъ устраши мя, но токмо есть откровеніе истинно». И аbie въ то время зачать во чревѣ.

Приспѣвшу времени рожденія родися имъ сынъ, и бояхуся зѣло о немъ, и что бы ему сотворили, мысляху въ себѣ, глаголюще: «Убили быхомъ сына паю, но ужасно есть; такожде и питати губителя рода своего—и се небезбѣдно есть». Абіе же написавше на харти пимя его «Іюда», купно съ нимъ возложиша въ ковчежецъ, и на море пустиша. Волны же его принесоша во островъ, нарицаемый Искаріодъ, и отъ сего острова Іюда «Искаріодскій» наречеся. Острова же того царева жена не имѣяше чадъ. Сія въ то время изыде къ морю утѣшитися, и видѣши ковчежецъ, влающійся при берегу моря, повелѣ его взяти и отверсти, хотя видѣти бывшее; и обрѣте въ немъ отроча красно, и вздохнувшій въ себѣ рече: «Увы мнѣ неплоднѣй! Хотѣла бы и азъ такове имѣти чадо, да не останетце безъ наслѣдія царство мое!» И сего ради той часъ повемъ отроча сіе доити, и себе быти непраздну лестно рече: «Просихъ и родихъ младенца своего». И во все ея царство слава велия изыде о семъ, яко царица роди сына.

Мужъ ея царь, яко не зная о семъ, въ правду сіе вмѣняше и радовашеся зѣло ради сына родшагося; и всеи людіе его съ нимъ лико-ваху. Сіе отроча по чину царскому и благолѣпію питати царь повелѣ. Не по мнозѣ же времени, царица заченши въ правду отъ сѣмени мужа своего, во время свое породи. Егда же оба младенца подрастоша, и бяху всегда играюще съ собою: Іюда сына царева многажды уничижающе бяше и множицю плакати отроча творяше; царица же, сіе видѣ, зѣло скорбяще на Іюду, многажды біючи его, знающи, яко нѣсть сынъ ея. По времени же не малѣ, не утаися неправды дѣло, но явѣ всѣмъ открыся, яко Іюда нѣсть сынъ царевъ, но на морѣ обрѣтеся.

Сіе же Іюда ощущивше, устыдѣся зѣло, и брата своего мнимаго, сына царева, тай уби. Убоявши жеся надлежашія себѣ бѣды, да не и самъ того ради убіенъ будеть, убѣжа въ Иерусалимъ съ тѣми, иже дань отдати несона, и прилѣпился къ слугамъ Пилата, бывша въ то время Игемонъ Іерусалимляномъ, а понеже вещи подобны себѣ удобѣ смѣситися могутъ, прииде къ Пилату и угоденъ ему бысть. Пилатъ же, уви-

⁵⁰⁾ См. П. А. Безсоновъ: Калики перехожія. М. 1861—64 г.; Н. Н. Костомаровъ: Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. 1, т. I. Спб. 1903.

дѣвъ Іоду, яко нравомъ подобенъ ему, пріять его во дворъ свой; не по мнозѣ же времени, начать зѣло любити его и сотвори того старѣйшину и строителя дому своего, и вси слуги отъ мала и даже до велика послушаху его. Случися же во единъ день, яко Пилатъ взираше изъ дому своего на нѣкій садъ, недалече сущій отъ двора его, и видѣ въ немъ яблоки доброзрачны зѣло, отъ нихъ же желаше ясти; сей же садъ бяше Рувима, отца Іодина. Іода же Рувима, такожде и Іоду Рувимъ не знаяше, яко сынъ ему бѣ; но не токмо мняше и всегда въ сердцѣ своемъ помышляше Рувимъ, яко сынъ его съ ковчежцемъ потопе въ мори, такожде и Іода отнюдь не знаяше, кто есть отецъ его, и мати родившая того, и гдѣ есть отечество его. По семъ призыва Іоду Пилатъ къ себѣ и рече: «Сице желаетъ душа моя плода вкусить отъ сада онаго, яко аще не снѣмъ отъ него, смертію умру». Іода же, слышавъ сіе слово, тече скоро въ садъ и нача угодныя ему яблоки урывать. По случаю же въ то время прииде Рувимъ, и видѣ Іоду яблоки порывающа въ свое мѣсто садъ, разгнѣвася наъ зѣло, и другъ друга начаша поношати и ругатися, по сихъ битися единъ, другому одолѣвающи; послѣди же Іода, вземъ камень, удари Рувима по выи, и уби язвою смертною отца своего. Яблоки же вземши понесе къ Пилату, и вся приключившаяся ему возвѣсти. Егда же къ вечеру бысть, напедши нощи, Рувимъ въ садѣ своемъ обрѣтеся мертвый, и вси глаголаху, яко напрасно, сирѣчь смертію нечаемою, сему умрѣти приключися. Нѣкоему же времени минувшу, Пилатъ все имѣніе Рувима и Циборію жену его, матерь Іодину, за жену Іодѣ, возлюбленному отроку своему, отаде. Во единъ же отъ дней, Циборія тяжко сѣтующи, вздыхаше. Мужъ же ея Іода, что ей бысть, прилѣжно о семъ испытоваше. Рѣче же къ нему жена: «Увы мнѣ! Всѣхъ женъ азъ окаянѣйшая, ибо отрока сына моего ввергъ въ мрое, мужа моего напрасно умерша обрѣтохъ, еще же Пилатъ приложи ми, лютѣ уязвленной, слезы къ слезамъ, тебѣ мя совокупивъ, и многимъ насилиемъ за жену предаде». И егда сія вся о дѣтищи своемъ изрѣче Циборія, и Іода такожде приключившаяся ему возвѣсти ей вся; тогда обрѣтеся, яко Іода матерь всю взять себѣ въ жену, и живяше съ нею и отца своего уби. Сего ради каючися, по совѣту Циборіи матери и жены своея, прииде ко Господу нашему Іисусу Христу, учащу въ то время и вся недужныя исцѣлевающу во всей Іудеи и прощенія отъ Него о грѣхахъ своихъ сподобися.

Сего Господь въ Божественныхъ Судьбахъ Своихъ тако возлюби, яко и на апостольство себе избра и попеченіе ему о Себѣ и о прочихъ апостолахъ, еже къ требованію тѣлесному вручи, онъ же ковчежецъ имѣяше и вметаемая Христови въ милостиыни пошаша. Той же по сихъ и предатель бысть Господу и Владыцѣ своему. Сей скорбяше и во время страсти Христовы о мірѣ, яко могущее на трехъ сотъ пѣнязъ продатися и датися нищимъ въ требованіе, не продано бысть, но туне проліяно на главу Христову: не яко бо о нищихъ печашеся, но яко тать бѣ, по свидѣтельству, написанному отъ святого Іоанна Евангелиста. Сего ради шедъ продаде Господа Іисуса Іудеомъ на тридесятихъ серебряницихъ, иже кійждо въ себѣ вздержаше десять пѣнязей; пѣнязъ же имѣетъ въ себѣ десять гривенъ Польскихъ: и тако тщету міра трехъ сотъ пѣнязей наполни себѣ. Или яко ини глаголуть, яко всего того, еже Христу приношашся, отъ сихъ десятую часть всегда крадяше, и

того ради за десятую часть, юже погуби въ мірѣ многоцѣннѣмъ, си-
рѣчъ за тридесѧть серебреникъ Іисуса продаде. Ихъ же по семъ рас-
каявся, Жидомъ паки вепять возврати, и повергши серебренники въ
церкви, шедъ и на древѣ обѣсивши удавися, и просѣдеся посредѣ, и
изліяся вся утроба его. Подобаше бо чресломъ его раздратися и утробѣ
всей изліятися, въ ней же зачатся и родися злоба и предательство на
Господа нашего Іисуса Христа; и ужемъ срамотнымъ завязатися гор-
тани его, отнюдже изыде сложеніе цѣни Безцѣннаго Господа и слово
лукаво; добрѣ сей на воздусѣ погибе, иже ангеловъ и человѣковъ оскор-
би; отъ предѣлъ ангельскихъ и человѣческихъ изгнану, ипгдѣ индѣ,
токмо на воздусѣ съ демоны сему водворятися и погибнутъ надлежаше.
Насъ же чтушихъ и слышащихъ сіе беззаконное его житіе и дѣяніе,
отъ такового злого нрава сохрани всѣхъ Христе Богъ нашъ, и сподоби
небесному Царствію Твоему, славимый со Отцомъ и со Святымъ Духомъ
во вѣки. Аминь.

Алексѣй Ремизовъ.

